Мир Французской революции

А. В. Чудинов

Забытая армия

Французы в Египте после Бонапарта 1799–1800

Мир Французской революции

Александр Чудинов

Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799 – 1800

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"
2019

УДК 94(44+620)
ББК 63.3(0)5

Чудинов А. В.

Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799 – 1800 / А. В. Чудинов — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2019 — (Мир Французской революции)

ISBN 978-5-8243-2341-2

Генерал, затеявший опасную и рискованную кампанию за тридевять земель от метрополии, в один прекрасный момент вдруг решил, что с него достаточно, и сбежал на родину, забыв, словно ненужную вещь, свою армию в далекой стране. Звали его Наполеон Бонапарт. И были у него потом новые победы и новая слава. А тем временем солдаты и офицеры забытой им в Египте Восточной армии продолжали в безвестности сражаться и умирать на выжженной солнцем африканской земле. Более того, армия оказалась забыта не только в Египте, но и в истории… Книга предназначена для всех, кого интересует история Франции, особенно для преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов вузов. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(44+620)
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2341-2

© Чудинов А. В., 2019
© Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2019

Содержание

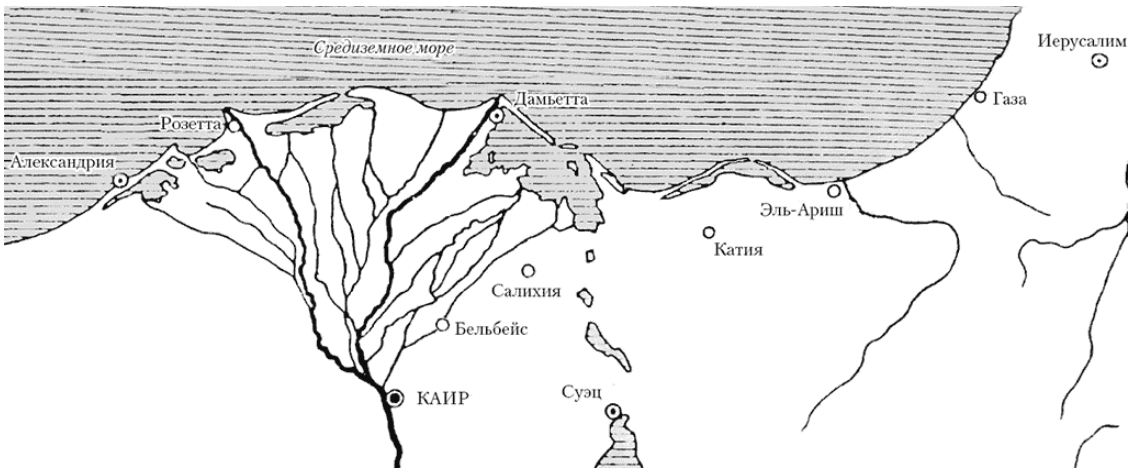
Пролог 6
Глава 1 11
«Око» Бонапарта 11
Путь полководца 16
Александрия 30
Сирия 39
Глава 2 47
Опустевшее «гнездо» 47
Заветы Бонапарта 54
Суровые реалии 60
Спор длиною в годы 65
Конец ознакомительного фрагмента. 75

А. В. Чудинов
Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800

Памяти моего папы, Виктора Васильевича Чудинова, солдата Великой Отечественной войны, посвящаю

Рецензенты:
доктор исторических наук Д. Ю. Бовыкин,
доктор исторических наук А. В. Гладышев

© Чудинов А. В., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019



Пролог
Песок Египта

Ноябрьский дождь окрасил Париж в серые тона. Сорванные ветром листья кленов ржавыми пятнами ложились на мокрый асфальт набережной Аустерлиц. Однако ни ветер, ни холодная изморось не могли ослабить впечатления от только что увиденного. Не замечая промозглой осенней хмари, я шел вдоль Сены из Института арабского мира с выставки «Бонапарт в Египте». Перед мысленным взором всё еще полыхало то буйство красок, которым художники XIX в. наполнили картины, посвященные невероятной, потрясшей воображение современников авантюре Египетского похода… Палящее солнце Африки, раскаленные пески безбрежных пустынь, пестрое разноцветье восточных одежд и французских мундиров, экзотические птицы и животные, кровавые закаты над Нилом – всё таило в себе удивительное очарование, влекло, манило, притягивало. И вот тогда-то, пасмурным ноябрьским днем 2008 г., под впечатлением от увиденного я и принял решение написать эту книгу о завораживающей одиссее нескольких десятков тысяч французов, заброшенных не по своей воле в прекрасную, но не гостеприимную для них землю, где кого-то из них ожидали три года страданий, а кто-то остался в ее песках навсегда.

Хотя решение относительно книги пришло ко мне спонтанно, сам ее предмет новым для меня отнюдь не был. С 2006 г. я руководил курсовыми работами, а затем дипломной своей студентки Евгении Прусской, изучавшей взаимные представления арабов и французов в период экспедиции Бонапарта. Женя с детства хотела заниматься историей Египта; я же специализируюсь на истории Французской революции и Наполеоновских войн; поэтому, когда она попросила меня стать ее научным руководителем, тему для ее исследования я выбрал на стыке наших интересов. Но для того, чтобы эффективно осуществлять научное руководство, наставник обязан знать предмет по меньшей мере не хуже подопечного, а потому мне пришлось с головой погрузиться в историографию Египетского похода 1798–1801 гг. Зато два года спустя, когда я решил сам заняться одним из аспектов этой темы, я уже четко представлял себе, что́ за прошедшие 200 с лишним лет моими предшественниками тут сделано, а до чего у них руки так и не дошли.

Проблемы с определением конкретного сюжета книги не возникло. Меня давно занимала та странная коллизия, которой отмечена история Египетского похода. Генерал, затеявший опасную и рискованную кампанию за тридевять земель от метрополии и увлекший туда за собою десятки тысяч людей, в один прекрасный момент вдруг решил, что с него достаточно, и с ближайшими сподвижниками, составлявшими практически всю верхушку командного состава, сбежал на родину, забыв, словно ненужную вещь, свою армию в далекой стране. Тем не менее столь бесславный поступок не только не привел его на скамью военного трибунала и к расстрельной стенке, но, напротив, открыл ему путь к вершинам власти и громкой славе. Генерала этого звали Наполеон Бонапарт. Всего два месяца спустя после возвращения из Египта он встал во главе Франции. И были у него потом новые победы и новая слава. А тем временем солдаты и офицеры забытой им в Египте Восточной армии еще два года в безвестности сражались и умирали на выжженной солнцем африканской земле.

Более того, армия оказалась забыта не только в Египте, но и в истории. Чтобы убедиться в этом, достаточно присмотреться к названиям улиц французской столицы. На первый взгляд может показаться, что эпопея Египетского похода более чем достойно запечатлена в топонимике Парижа. Бродя по центру города, то и дело сталкиваешься с напоминаниями о триумфах французского оружия в Египте и Палестине. Так, площадь и улица Пирамид, что в первом

округе, навевают воспоминания о битве с мамлюками[1] при Пирамидах, которой Бонапарт 21 июля 1798 г. проложил себе путь к Каиру. Там же, в первом округе, расположена улица Мон-Табор, поименованная в честь победы Бонапарта и Клебера над турками при горе Фавор 16 апреля 1799 г. По соседству, во втором округе, есть улица Каира. Помещенная на ней мемориальная доска гласит: «Восхищенные вступлением Бонапарта в Каир 23 июля 1798 г. парижане в 1799 г. дали этой новой магистрали имя египетской столицы». Рядом с ней – площадь Каира и улицы Александрии, Нила и Дамьетты, также напоминающие об основных вехах завоевания Египта Бонапартом: высадившись у Александрии, он провел затем свою армию вдоль Нила к Каиру, откуда направил войска в Дамьетту.

Всё тот же второй округ пересекается по диагонали улицей Абукира. Если в наших учебниках египетский городок Абукир упоминается прежде всего в связи с уничтожением на его рейде французского флота английским адмиралом Нельсоном 1–2 августа 1798 г., то французам более памятен «второй Абукир» – сухопутное сражение 25 июля 1799 г., когда войска Бонапарта сбросили в море превосходящие силы турецкого десанта. В честь этой последней своей победы на египетской земле Наполеон в 1807 г. и назвал улицу.

Казалось бы, о каком забвении может идти речь, если история похода так увековечена в названиях улиц центральных, наиболее престижных, округов Парижа? Однако нетрудно заметить, что во всей этой топонимике отражены события первого года экспедиции, когда во главе Восточной армии стоял Наполеон Бонапарт. А о двух последующих годах, когда покинутые им войска продолжали отчаянно отбиваться от англичан, турок, мамлюков и бедуинов, напоминает лишь название крохотной, протяженностью чуть более 100 метров, улочки Гелиополис, затерявшейся на самой окраине французской столицы, в 17-м округе близ Периферийного бульвара – парижской «окружной». При Гелиополисе брошенная Бонапартом в Египте Восточная армия одержала под командованием генерала Клебера невероятную победу над многократно превосходившими ее полчищами турок. И тем не менее, как мы видим, зыбкую память о ней, граничащую с забвением, хранит лишь название небольшой улицы на краю города, больше похожей на переулок. Прочие же события двух последних лет экспедиции не заслужили даже этого.

Столь же избирательный подход к истории Египетского похода характерен и для его историографии. Авторы многих обобщающих работ заканчивают свое повествование отъездом Бонапарта, как если бы оно и впрямь стало завершением экспедиции. Именно так, августом 1799 г. завершается наиболее авторитетный для второй половины XIX в. труд по данной теме, написанный французским военным историком П. Гитри[2]. То же самое относится и к фундаментальной пятитомной истории Египетского похода, которую издал на рубеже XIX–XX вв. другой выдающийся военный историк – К. Ла Жонкьер и которая включает в себя не превзойденную на сегодняшний день по своей насыщенности публикацию источников о первом годе похода[3]. Подобная тенденция доминирует до сих пор. И замечательный британский исследователь Д. Дж. Чандлер, предложивший подробный анализ военных аспектов кампании[4], и американский востоковед Дж. Коул, создавший относительно недавно оригинальное социокультурное исследование о взаимоотношениях французов и египтян как о конфликте цивилизаций[5],

---

[1] Мамлюки – военное сословие в Египте периода Средних веков и Раннего Нового времени. Их ряды пополнялись юношами-рабами, преимущественно с Кавказа. С 1250 г. и до османского завоевания в 1517 г. мамлюкам принадлежала верховная власть в стране. В Османской империи они сохраняли свои привилегированные позиции, а с 1770-х гг. мамлюкские беи вновь стали фактическими правителями Египта, сведя свою зависимость от султана к чисто номинальной. Придя в Египет, Бонапарт первые три месяца экспедиции – до того, как Османская империя объявила войну Франции, – подчеркивал, что воюет только против мамлюков, но не против турок.

[2] *Guitry P.* L'armée de Bonaparte en Egypte, 1798–1799. Paris, 1898.

[3] *La Jonquière C., de.* L'expédition d'Egypte. 5 vols. Paris, 1899–1907; 2^{e}éd. Paris, 2003.

[4] *Chandler D. G.* The Campaigns of Napoleon. 2^{e}ed. New York, 1973.

[5] *Cole J.* Napoleon's Egypt. Invading the Middle East. Cairo, 2008.

и канадец П. Сир, автор первой в XXI в. обобщающей истории экспедиции[6], – все они также ограничиваются освещением лишь первого ее года.

В тех же трудах, где история забытой армии так или иначе затрагивается, центр тяжести всё равно смещен в сторону «года Бонапарта». Например, в написанной современниками тех событий «Научной и военной истории французской экспедиции в Египет» периоду Бонапарта посвящено пять с половиной томов из восьми, а последующим двум годам – лишь два с половиной[7]. В лучшей на сегодняшний день обобщающей монографии о походе, созданной французским востоковедом А. Лорансом, первому году египетской эпопеи отведено 300 страниц, второму («году Клебера») – 74, третьему («году Мену») – 72[8]. Еще более ярко выражена аналогичная диспропорция в новейшей монографии директора парижского Института Наполеона Ж. О. Будона: о «годе Бонапарта» – 192 страницы, «годе Клебера» – 25, «годе Мену» – 26[9].

Разумеется, количество написанного не определяет его качество. Даже на тех относительно немногочисленных страницах, которые историки посвятили двум завершающим годам экспедиции, можно найти весьма ценные сведения, и далее по ходу повествования я сошлюсь на некоторые из таких работ. Тем не менее общая тенденция очевидна: история Восточной армии с Бонапартом во главе более привлекательна для историков, чем без него.

Зная о подобной диспропорции, я и решил посвятить свою книгу «году Клебера» в истории забытой армии – забытой не только покинувшим ее предводителем, но в немалой степени и большинством историков.

Чтобы принять решение, было достаточно одного только мига. Само же исследование заняло более 10 лет. Первые пять из них ушли на поиск и сбор источников. Те, что ранее были опубликованы, отыскать не составляло труда благодаря великолепной библиографии, выпущенной в 1993 г. французским историком Ф. Мёльнером[10]. Правда, большинство из них в российских библиотеках отсутствовало, а потому пришлось не одну неделю снимать их на фотокамеру в Национальной библиотеке Франции, где это, по счастью, можно делать совершенно свободно. Хотя процедура потребовала много времени и терпения, зато все необходимые для работы свидетельства современников и тексты документов находятся теперь под рукой – в моем персональном компьютере; в частности, бесценное при изучении данной темы четырехтомное издание египетской переписки Клебера, подготовленное А. Лорансом[11].

Немало времени также ушло на копирование неопубликованных источников. Архив Восточной армии хранится ныне в Венсеннском замке на окраине Парижа: это фонд B[6] Исторической секции сухопутных сил[12] при Министерстве обороны Франции. Даже после того, как Наполеон в 1807 и 1810 гг. уничтожил значительную часть документов, связанных с Египетским походом[13], этот фонд и сегодня включает в себя 199 картонов, из которых по меньшей мере 40 сдержат материалы по выбранному мною периоду. В каждом – сотни листов документов, уложенных в хронологическом порядке и плотно связанных в пачки. За 200 лет значительная часть бумаг пришла в крайне хрупкое состояние и требует ныне бережного обращения с

---

[6] *Cyr P.* Égypte, la guerre de Bonaparte. Paris, 2015.

[7] Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte; précédée d'une introduction présentant le tableau de l'Égypte ancienne et moderne, depuis les Pharaons jusqu'aux successeurs d'Ali-Bey; et suivie du récit des événements survenus en ce pays depuis le départ des Français et sous le règne de Mohammed-Ali d'après les mémoires, matériaux, documents inédits. 10 vols. Paris, 1830–1836. Последние два тома из 10 не имеют отношения к истории похода: в них идет речь о событиях в Египте после ухода французов.

[8] *Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. Paris, 1997.

[9] *Boudon J. O.* La campagne d'Égypte. Paris, 2018.

[10] *Meulenaere Ph., de*. Bibliographie raisonnée des témoignages occulaires imprimées de l'expédition d'Égypte (1798–1801). Paris, 1993.

[11] Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988–1995. T. 1–4.

[12] Service Historique de la Défense (далее – SHD).

[13] См.: *Tulard J.* Ombres et Lumières de la campagne d'Égypte. Paris, 1995. P. 17.

собою. Некоторые листы вообще невозможно развернуть, ибо они грозят рассыпаться в прах. Соответственно, работать со многими документами изо дня в день, как это обычно делается в публичных архивах, невозможно без риска нечаянно их погубить. Выход был один – снимать на фотокамеру всё содержимое интересующих меня картонов насквозь, ибо если единичное прикосновение могли выдержать даже самые хрупкие из листков, то неоднократное – далеко не все. Съемка заняла в общей сложности несколько месяцев чистого времени за время моих приездов в Париж на протяжении ряда лет. Каждый рабочий день я приходил в архив к открытию, одетый в разгрузочный жилет *à la militaire*, нагрудные карманы которого, словно газыри черкески, заполняли многоразовые батарейки. Снимать приходилось стоя весь день напролет до самого закрытия, делая лишь краткие перерывы для того, чтобы сдать отработанные картоны и взять новые. Смена израсходованных батареек в фотоаппарате производилась по ходу съемки за считаные секунды. Однажды, когда отработанным за многие недели до автоматизма движением я в очередной раз перезаряжал свое «оружие», сидевший напротив французский офицер, улыбнувшись, заметил: «О-ля-ля, месьё, хороший беглый огонь!»

Многие из отснятых документов, похоже, никто не брал в руки со дня их поступления в архив. У меня всякий раз начинало учащенно биться сердце, когда в конце работы я видел на белой поверхности стола россыпи песчинок, выпавших в течение дня из пачек документов. Это был песок Египта, нечаянно привезенный во Францию участниками экспедиции вместе с бумагами. Осязаемый привет из прошлого.

Документы из отечественных архивов использовались в этом исследовании гораздо скромнее; тем не менее мал золотник, да дорог. Хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи[14] (фонд 89 «Сношения России с Турцией») донесения Энрике Франкини, русского представителя в ставке Великого визиря, дают уникальную возможность увидеть, как те же события выглядели с турецкой стороны.

Непременный атрибут исследования по военной истории – рекогносцировка на местности. Ее мы с коллегами, включая Евгению Прусскую, к тому времени уже аспирантку, провели в 2009 г., посетив Египет, где прошли далекими от традиционных туристических путей маршрутами по местам, связанным с событиями похода: площадь Азбакийя и Цитадель Каира, Матария и Гелиополис, Гиза и Александрия… Нам удалось даже попасть на полуостров Абукир, хотя теперь это охраняемая зона из-за расположенной в бывшем форте военно-морской базы. Тем не менее часовой на удивление легко пропустил нас, когда молодой водитель тук-тука[15], показав глазами на Женю, заговорщицки сообщил: «Госпожа хочет посмотреть то место, где Наполеон бился с Нельсоном», – этого «пароля» оказалось достаточно.

Посчастливилось нам побывать и в библиотеке основанного Бонапартом Института Египта. Два года спустя даже славное происхождение не убережет этот храм науки от гибели: участники «арабской весны» бросят туда «коктейль Молотова».

Посетили мы и духовный центр старого Каира – знаменитую мечеть аль-Азхар, где в 1800 г. провел последний месяц своей жизни Сулейман ал-Халеби (о нем речь пойдет в последней главе этой книги). Сегодня аль-Азхар, как и во времена Египетского похода, по-прежнему одно из наиболее уважаемых в исламском мире учебных заведений. Пожилой муэдзин, водивший нас по лабиринту этого грандиозного архитектурного комплекса, узнав, что я изучаю события 200-летней давности, стал почтительно называть меня «доктором Искандером».

Между тем годы шли. Евгения Прусская успешно защитила в 2012 г. кандидатскую диссертацию, из которой затем выросла первая в отечественной науке монография о Египетском походе[16]. Я же продолжал копить впечатления и материалы, стремясь, вероятно, к недостижи-

---

[14] Далее – АВПРИ.

[15] Тук-тук – мини-такси в виде мотороллера с кабиной на двух человек позади водителя.

[16] *Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016.

мому – собрать все известные источники о «годе Клебера». И хотя, в конце концов, непосредственно в исследовании удалось задействовать далеко не всё из собранного, мне по крайней мере, было из чего выбрать.

В 2014 г. затянувшаяся подготовительная работа вылилась в первую мою публикацию по данной теме – статью с детальной реконструкцией хода сражения при Гелиополисе[17]. Год спустя этот текст вышел и во Франции[18], встретив теплый прием в международном научном сообществе, следствием чего стало включение меня в коллектив авторов «Кембриджской истории Наполеоновских войн» для написания главы о Египетском походе. В дальнейшем отдельные фрагменты исследования о забытой армии публиковались мною в виде статей на страницах «Французского ежегодника»[19]. И вот теперь настала, наконец, пора представить целиком труд 10 лет на суд читателей.

Однако, прежде чем перейти собственно к повествованию, сделаю еще несколько предварительных замечаний. Транскрипции арабских имен и топонимов я согласую с переводом на русский язык хроники шейха ал-Джабарти, выполненным известным отечественным востоковедом И. М. Фильштинским[20], а если в ней то или иное название отсутствует – с современными географическими картами.

В тексте упоминаются следующие денежные единицы, принятые тогда в Египте: кошелек = 25 тыс. мединов; 1 пиастр = 150 мединов = 5 ливров 7 соль 1 денье Франции; 1 патак = 90 мединов; 1 ливр = 28 мединов.

Меры длины того времени: 1 туаз = 1,949 м, 1 сухопутное лье = 4445 м.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10041.

[17] *Чудинов А. В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // Французский ежегодник. 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 122–165.

[18] *Tchoudinov A.* La bataille d'Héliopolis, ou la victoire oubliée // Napoleonica. La Revue. 2015. № 3 (24). P. 5–47.

[19] *Чудинов А. В.* Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник. 2015: к 225-летию Французской революции. М., 2015. С. 262–342; *Он же.* Народы против Французской революции // Французский ежегодник. 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 5–35; *Он же.* Падение французского Эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // Французский ежегодник. 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М., 2017. С. 55–93.

[20] *Абд ар-Рахман ал-Джабарти.* Египет в период экспедиции Бонапарта / пер., предисл. и комм. И. М. Фильштинского. М., 1962.

Глава 1
Новый главнокомандующий

«Око» Бонапарта

День 22 августа 1799 г. клонился к закату. Еще полчаса – и черная египетская ночь стремительно, как это обычно бывает на юге, опустится на землю. В ожидании ее чуть более двух сотен людей в военной форме французской армии расположились бивуаком среди невысоких песчаных дюн на пустынном берегу Средиземного моря, километрах в четырех западнее Александрии. Большинство из них сидят или лежат на песке, избегая лишних перемещений, чтобы не привлекать внимания случайных наблюдателей, если вдруг такие появятся. И лишь двое в генеральских мундирах прогуливаются вдоль кромки моря, о чем-то беседуя. Точнее, говорит в основном один – молодой, лет тридцати, худощавый, невысокого роста, с тонкими, резкими чертами властного лица. Другой, уже в возрасте, полный, с лысиной, больше слушает, преданно заглядывая в глаза собеседнику, и лишь иногда что-то переспрашивает. Первый – Наполеон Бонапарт, главнокомандующий Восточной армией, второй – Абдулла-Жак Мену, военный комендант округа Розетты.

Только что Мену узнал, что главнокомандующий срочно вызвал его из Розетты для того, чтобы дать прощальные наставления, ибо он, Бонапарт, вместе со своим ближайшим окружением предстоящей ночью отбывает на родину «спасать Францию». Через полтора с лишним десятка лет Наполеон, уже находясь на острове Святой Елены, так опишет эту беседу:

> «Ему [Бонапарту] очень хотелось увезти его с собой. Генерал Мену был крайне огорчен. Он питал исключительное доверие к главнокомандующему, но понимал, как важно, чтобы Наполеон приехал в Европу. Об этом главнокомандующий, прогуливаясь перед своей палаткой по берегу, омываемому морскими волнами, сказал ему так: “Я прибуду в Париж, разгоню эту кучку адвокатов, что издеваются над нами и не способны править Республикой. Я встану во главе правительства, сплочу все партии и восстановлю Итальянскую республику, а затем упрочу и эту славную колонию [Египет]”»[21].

Разумеется, к подобной похвальбе их разговор не сводился, однако о других его подробностях Бонапарт нам ничего не сообщает, а Мену к тому времени, когда будут написаны эти строки, уже уйдет в мир иной. Дополнить, подтвердить или опровергнуть их он не сможет, а потому о главном содержании беседы двух генералов мы можем только догадываться.

Если бы Мену оставался преемником Бонапарта на посту командующего, то столь подробный инструктаж был бы легко объясним: сдавая такое сложное и хлопотное хозяйство, как Восточная армия со всеми ее службами и оккупационной администрацией, требовалось подробно объяснить сменщику, что ему со всем этим делать. Однако далее мы увидим, что в преемники себе Бонапарт выбрал совсем другого человека. И все же на последний разговор он вызвал не его, а именно Мену. Почему? Чем этот генерал заслужил подобное отличие? Ответ, видимо, следует искать в его биографии[22].

---

[21] Mémoires de Napoléon. T. 2. La Campagne d'Égypte 1798–1799. Paris, 2011. P. 306.

[22] Подробно см.: *Rigault G.* Le general Abdallah Menou et la dernière phase de l'expédition d'Égypte (1799–1801). Paris, 1911. P. 30–46.

Жак-Франсуа де Мену, родившийся 3 сентября 1750 г. в замке Буссе (Boussay), принадлежал к одному из древних дворянских родов Турени. В 1765 г. его отец, имевший титул маркиза и генеральский чин, скончался, оставив после себя четырех сыновей. Все они пошли на военную службу. Жак-Франсуа, имевший титул барона де Буссе, поступил с 1 января 1766 г. в полк карабинеров графа Прованского. Через два года он уже имел звание младшего лейтенанта (sous-lieutenant). Перейдя в 1773 г. в Лотарингский драгунский полк, он год спустя получил капитанский чин. Когда Франция вступила в Войну за независимость североамериканских колоний Англии, капитан Мену с 1778 по 1783 г. занимал должность помощника главного квартирмейстера войск, охранявших французское побережье. Соответственно, в его послужном списке появилось участие в четырех военных кампаниях, хотя на деле понюхать пороху ему так и не довелось.

Хорошо образованный, начитанный, много путешествовавший, Мену к началу Французской революции был типичным представителем просвещенной элиты, франкмасоном и сторонником либеральных преобразований. Избранный в 1789 г. депутатом Генеральных штатов от дворянства провинции Турень, он в Учредительном собрании сразу примкнул к конституционалистам, составлявшим большинство, и в качестве члена военного и дипломатического комитетов активно содействовал реформам. Участвовал он и в правовом оформлении аннексии Францией Авиньона.

После роспуска Учредительного собрания Мену вернулся на военную службу и в октябре 1791 г. принял командование над 12-м полком конных егерей. После начала в 1792 г. войны против австрийцев ему дали чин бригадного генерала, но на фронт не послали, а назначили командовать 17-м военным округом, в состав которого входил и Париж. Во время восстания 10 августа 1792 г. Мену находился в столице, но ни одну из сторон не поддержал. Эта неопределенность политической позиции навлекла на него подозрение в недостаточной лояльности Конвенту и не позволила получить должность военного министра, хотя его кандидатура осенью 1792 г. предлагалась на этот пост.

Весной 1793 г. Мену после 28 лет военной службы наконец получил шанс обрести настоящий боевой опыт: его отправили в армию побережья Ла-Рошели, сражавшуюся с вандейцами – крестьянами Западной Франции, восставшими против революционного правительства. По этому случаю ему присвоили высший во французской армии того времени чин дивизионного генерала. Мену повезло в том, что это назначение случилось раньше, чем он принял участие в своем первом бою, ибо затем подобная мысль уже вряд ли пришла бы в голову его начальству. 11 июня войска генералов Мену и Луи Александра Бертье были атакованы вандейскими крестьянами в Сомюре и наголову разбиты. Новоиспеченного дивизионного генерала срочно отозвали в Париж, и только заступничество ряда депутатов позволило ему избежать немедленного трибунала.

Тем не менее разбирательство затянулось, и лишь весной 1795 г. Мену вновь получил пост командующего 17-м военным округом. Во время прериальского восстания 20–23 мая 1795 г. он успешно провел операцию по разоружению Сент-Антуанского предместья и получил повышение – должность главнокомандующего Внутренней армией. Правда, справедливости ради заметим, что повстанцы сопротивления властям не оказывали[23].

А вот уже с вандемьерским восстанием 3–5 октября 1795 г., где дело дошло до настоящих уличных боев, Мену справиться не смог. Когда бунтовщики стали продвигаться к Конвенту, главнокомандующий Внутренней армией растерялся и выпустил ситуацию из-под контроля. Только решительные действия П. Барраса и Н. Бонапарта позволили властям подавить мятеж. В ходе расследования Баррас даже выдвинул против Мену обвинение в пособниче-

[23] См.: *Тарле Е. В.* Жерминаль и прериаль // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 6. С. 481–486.

стве роялистам, которых официально объявили инициаторами бунта[24]. Всё могло закончиться самым печальным для незадачливого генерала образом, если бы за него не вступился победитель мятежников – Бонапарт. Именно ему Мену был отныне обязан своей жизнью.

Затем пути Бонапарта и Мену на какое-то время разошлись. Герой вандемьера отправился командовать Итальянской армией, во главе которой завоевал славу и популярность. Мену же остался в Париже обивать пороги чиновников в поисках нового назначения. Когда увенчанный лаврами Бонапарт вернулся во Францию, чтобы в начале 1798 г. приступить к подготовке Египетской экспедиции, Мену все еще находился в положении докучливого, но безуспешного просителя. Предложенная ему Бонапартом должность командующего одной из пяти дивизий будущей Восточной армии стала для Мену настоящим подарком судьбы. Правда, рядом со своими коллегами он смотрелся весьма бледно: Жан-Батист Клебер, Луи Шарль Антуан Дезе, Луи Андре Бон и Жан-Луи-Эбенезе Рейнье хотя и были младше его по возрасту и по времени производства в чин дивизионного генерала, имели за плечами большой боевой опыт и уже не раз добивались громких побед. Главным же, если не единственным, достоинством Мену была преданность Бонапарту, что, видимо, и побудило последнего взять его с собой.

Удивительно, но и в Египте Мену не удалось толком повоевать. В первом же бою – при штурме Александрии – ему со стены на голову сбросили камень. Получив легкую контузию[25], Мену был оставлен Бонапартом поправлять здоровье на посту командующего военным округом Розетты. Завоевание Египта прошло без его участия.

В Розетте Мену неплохо прижился. Обстановка в этом богатом торговом порте, расположенном при впадении в Средиземное море западного рукава Нила, была довольно спокойной. Англичане и турки практически не тревожили с моря город и его окрестности, в отличие от того, что происходило в Александрии или Дамьетте. Имея массу свободного времени, Мену с энтузиазмом изучал экономические ресурсы региона, излагая результаты своих исследований в мемуарах, предназначенных для главнокомандующего. Горячий сторонник превращения Египта во французскую колонию, Мену прекрасно находил общий язык с местными шейхами и выказывал подчеркнутое уважение к исламу и связанным с ним обычаям. 20 октября 1798 г. Бонапарт расширил зону его ответственности, включив в нее Александрию и провинцию Бухайра, расположенную южнее Розетты. Тем не менее и после этого Мену продолжал держать свою штаб-квартиру в обжитой им Розетте.

Отправляясь в Сирийскую экспедицию, Бонапарт вызвал Мену в Каир, чтобы назначить комендантом столицы, а фактически – своим временным заместителем. Однако появление под Александрией английских военных кораблей дало Мену уважительный предлог остаться в Розетте. Пришлось Бонапарту поручить командование в Каире генералу Шарлю Франсуа Жозефу Дюга, сначала временно – пока не прибудет Мену, а затем и постоянно, поскольку Мену так и не прибыл.

Вскоре выяснилось, что задержали его в Розетте дела не только служебные, но и личные. Пришли вести, что генерал Мену женился на египтянке Ситти Зубейде, дочери владельца городских бань. Свою избранницу он описал таким образом в послании от 23 марта 1799 г. коменданту Александрии генералу Огюсту Фредерику Луи Мармону: «Она высокая, сильная и в целом правильно сложена. У нее очень красивые глаза распространенного в этой стране оттенка; волосы длинные и черные, как смоль; она хороша»[26]. И по отцу, и по матери Зубейда была потомком Пророка, и, чтобы брак стал возможным, жениху пришлось торже-

---

[24] Подробнее см.: *Бовыкин Д. Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016. Гл. 10.

[25] Л. А. Бертье – военному министру, 6 июля 1798 г. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. Paris, 2003. T. 2. P. 48.

[26] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 662.

ственно отречься от христианства и принять ислам. При обращении он выбрал себе новое имя Абдулла, и впредь стал подписываться «Абдулла-Жак Мену»[27]. Как правоверный мусульманин, он отныне регулярно посещал мечеть[28].

Тем временем французская армия очистила от неприятеля Палестину и осадила Акру. Полагая, что Сирия, в которую тогда входили эти области, у него уже в руках, Бонапарт вызвал Мену, чтобы назначить губернатором новой провинции. На сей раз Мену все же успел выехать к месту новой службы, правда, весьма неспешно. Он сообщил дивану[29] Розетты о своем отъезде только 10 мая[30] – в тот самый день, когда французские войска под Акрой в последний раз пошли на штурм крепости, после неудачи которого Бонапарт принял решение возвращаться в Египет. И вот, когда отступающие французские части пересекали египетскую границу, им и повстречался генерал Мену, неторопливо ехавший управлять Сирией. Правда, и теперь опоздание сошло ему с рук. Бонапарт ограничился тем, что временно сослал его на «край света» – отправил с инспекцией в захваченный в самом начале Сирийской экспедиции приграничный форт Эль-Ариш.

Впрочем, 25 июля 1799 г., когда Бонапарт разгромил при Абукире высадившуюся с кораблей турецкую армию Саида Мустафы, паши Румелии, Мену уже снова находился в Розетте. Срочно вызвав его оттуда, Бонапарт доверил ему победно завершить кампанию, взяв всё еще удерживаемый турками форт Абукир. Задача была не из сложных. Все необходимые распоряжения об осадных работах сделал предшественник Мену на этом месте генерал, Жан Ланн, до того как получил ранение, вынудившее главнокомандующего заменить его. К тому же руководить осадой генералу Мену помогал молодой, но уже опытный командир Луи-Николя Даву. 2 августа форт Абукир пал. На боевом счету Мену появилась первая победа. Очевидно, Бонапарт поручил ему это совершенно беспроигрышное дело для того, чтобы хоть немного поднять в армии крайне низкий авторитет своего приверженца.

Разумеется, этого всё равно было недостаточно для того, чтобы Мену тогда мог претендовать на что-либо большее, нежели на командование округом. Однако для выполнения той задачи, которую перед ним ставил патрон, иного и не требовалось. Своей преданностью Бонапарту генерал Мену заслужил право стать его доверенным лицом, своего рода душеприказчиком, при передаче руководства армией преемнику, поскольку Бонапарт «не успел» (а точнее, не захотел) провести эту процедуру непосредственно, из рук в руки. По выполнении же этой задачи на Мену, судя по его дальнейшему поведению, похоже, возлагалась функция «ока» Бонапарта в Египте, ибо он имел право напрямую, через голову нового главнокомандующего, сообщать предыдущему обо всем, что происходит в Восточной армии.

Вероятно, именно такие задачи на будущее Бонапарт и поставил своему подчиненному вечером 22 августа 1799 г. во время их беседы на берегу Средиземного моря. Там же он вручил Мену объемистый пакет документов, который тот должен был передать новому главнокомандующему через 48 часов после отъезда нынешнего. Самому же Мену Бонапарт поручил впредь командовать сразу тремя военными округами – Розеттой, Александрией и провинцией Бухайра[31].

Тем временем стемнело, и в импровизированном лагере началось активное движение. Подойдя к кромке моря, люди напряженно ждали, когда появятся шлюпки с двух француз-

---

[27] Подробнее см.: *Khoury R.* Le marriage musulman du général Abdallah Menou // Egyptian Historical Review. 1978. Vol. 25. P. 65–93.

[28] А. Ж. Мену – Ш. Дюга, 19 февраля 1799. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 660, note.

[29] Диван – совещательный орган, включавший в себя наиболее уважаемых людей города или местности. Стремясь заручиться поддержкой египетских элит, Бонапарт требовал от французских оккупационных администраций взаимодействовать с местными диванами.

[30] См.: *Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. P. 538, note 66.

[31] Н. Бонапарт – Ж. А. Мену, 22 августа 1799 г. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 606.

ских фрегатов, еще засветло бросивших якоря на рейде. Ночь выдалась безлунной. А потому с берега пришлось подавать световые сигналы, поджигая пороховые запалы. Эжен Мерлен, служивший в Египте адъютантом Бонапарта и сопровождавший его в том путешествии, много лет спустя вспоминал:

> «Прибыли шлюпки, и все, без различия званий и рангов, кинулись к ним по колено в воде, спеша погрузиться, так велико было нетерпение и так страшно было отстать от остальных. Все старались первыми попасть на погрузку и отталкивали друг друга без церемоний и стеснения. В результате между офицерами штаба вспыхнуло несколько ссор, которые были тут же забыты, когда мы прибыли на фрегаты»[32].

В этом исходе, моментами напоминавшем паническое бегство, помимо самого главнокомандующего участвовали генералы Антуан Франсуа Андреосси, Иоахим Мюрат, Ланн, Мармон, начальник штаба армии генерал Бертье, адъютанты командующего, две сотни гидов[33], а также ряд гражданских лиц, которых Бонапарт счел необходимым забрать с собою. Мало в каком сражении армия несла такие потери в командном составе, как в результате этой поспешной эвакуации.

В 21 час пассажиры были уже на кораблях. Оттуда Бертье прислал Мену записку, сообщив, что дарит ему трех своих коней, трех верблюдов с погонщиком в придачу, слугу и негра-раба, а Бонапарт отдает ему же свою карету и обещает прислать через 15–20 дней авизо, чтобы вывезти Мену во Францию[34].

Отплытие, однако, задержалось из-за штиля. И только 23 августа в 8 часов утра подувший наконец бриз позволил небольшой эскадре из двух фрегатов и двух авизо взять курс на запад.

Проводив отъезжающих, Мену отправился в Александрию, откуда 24 августа послал в Розетту шефа бригады[35] Эссотье с поручением доставить от него письмо и ранее оставленный Бонапартом пакет документов новому главнокомандующему. Таковым должен был стать Жан-Батист Клебер.

---

[32] Note sur le départ de général Bonaparte de l'Égypte, et sur la traversée jusqu'à Fréjus, fournie par le général Eugène Merlin // *Arnault A. V.* Souvenirs d'un sexagénaire. Paris, 1833. T. 4. P. 425.

[33] Гиды – французская легкая кавалерия, составлявшая эскорт командующего армией в Итальянских 1796–1797 гг. и в Египетской кампаниях.

[34] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 610–611, note 4.

[35] Шеф бригады – воинское звание, существовавшее во французской армии 1793–1803 гг. вместо звания полковника.

Путь полководца

За прошедшие 200 с лишним лет французские историки посвятили биографии Клебера ряд пространных исследований[36], что существенно облегчает мою задачу познакомить читателей с основными вехами жизни этого человека до того момента, когда ему не по своей воле пришлось возглавить армию, забытую в Египте ее главнокомандующим.

Жан-Батист Клебер родился 9 марта 1753 г. в Страсбурге. Его отец, немецкий католик, камнетес, совмещавший ремесло с муниципальной службой, умер, когда сыну было только три года. Мать вновь вышла замуж, и отчим, преуспевающий мастер плотницкого дела и владелец постоялого двора, отослал пасынка в деревню – на воспитание и обучение в пансион местного кюре. Там-то и прошло детство Клебера. Под руководством наставника он прекрасно усвоил основы латыни, античной истории и математики. Правда, интерес к религии, несмотря на все усилия священника, у него так и не пробудился.

Любер д'Эрикур, «сердечный друг» (так он сам себя определил) юности Клебера, свидетельствует, что тот с молодых лет отличался «неуступчивым характером и неукротимостью»[37]. Когда кюре однажды решил все же приобщить юного Жан-Батиста к церковной жизни, то он попросил мальчика помочь ему на воскресной мессе и для начала отнести в храм сосуды с вином для причастия. Однако по пути подросток выпил всё доверенное ему вино и на службе уже не появился. Рассерженный священник запер озорника на два дня в погреб, но мальчишка разгромил там всё, до чего только смог дотянуться. В результате его исключили из пансионата и вернули родителям[38]. Но нет худа без добра: мать и отчим отправили Жан-Батиста продолжать учебу в одно из лучших учебных заведений Страсбурга – в старинную протестантскую гимназию, основанную еще в XVI в.

Рано повзрослев, белокурый и голубоглазый Жан-Батист превратился в высокого юношу – около двух метров ростом, атлетического сложения. В 1769 г. он впервые попытался связать свою жизнь с армией, записавшись в гусарский полк. Однако мать, зная о способностях и интересе сына к изобразительным искусствам, уговорила его отказаться от столь поспешного решения и поступить в страсбургскую Школу рисунка. Окончив ее, юный Клебер в 1772 г. отправился в Париж совершенствовать свои умения в мастерской известного архитектора Жан-Франсуа Шальгрена, позднее прославившегося созданием знаменитой Триумфальной арки на площади Звезды в Париже.

Оказавшись без присмотра семьи, один в огромном, кипящем жизнью городе, полном соблазнов, молодой человек даже не подумал таковым сопротивляться, а предался им с большим удовольствием и со всей страстью юности. «Вертопрах, повеса, распутник» – так характеризует своего «сердечного друга» д'Эрикур[39]. Женщинам трудно было устоять перед голубоглазым блондином брутальной наружности:

> «Клебер был одним из самых красивых мужчин своего времени. Он имел рост в шесть футов и идеальное сложение. Взгляд его либо излучал доброту, либо наводил ужас в зависимости от того, какие чувства выражал. Глаза, не слишком большие, отличались исключительной выразительностью, а зубы – абсолютной белизной, за которой он тщательно следил. Голос его

[36] *Ernouf A. A.* Le Général Kléber. Mayence et Vendée, Allemagne, expédition d'Égypte. Paris, 1867; *Pajol Ch. P. V.* Kléber, sa vie, sa correspondance. Paris, 1877; *Aubigné, d'.* Vie de Kléber. Paris, 1891; *Holl P.* Le Général Kléber, notes et souvenirs. Strasbourg, 1800; *Klein J. P.* Kléber. Strasbourg, 1994; *Brégeon J. J.* Kléber. Le dieu Mars en personne. Paris, 2002; *Bazin Ch.* Kléber, l'indomptable. Paris, 2003.

[37] *Hericourt L., d'.* Vie du général Kléber. Paris, 1801. P. 4.

[38] Ibid. P. 5–6.

[39] Ibid. P. 14.

> звучал весьма приятно, когда Клебер был спокоен, и походил на раскаты грома в минуты ярости. Всегда хорошо, но скромно одетый, он притягивал к себе людей с необычайной силой, хотя, похоже, сам старался держать дистанцию»[40].

В поисках удовольствий Клебер не раз находил приключения на свою голову, вступал в потасовки и попадал в полицию. Впрочем, все эти «маленькие развлечения» в большом городе ничуть не мешали его учебе, которую он благополучно завершил два года спустя. Правда, возвращаясь в Страсбург через Безансон, юный Клебер влип в очередную историю. Поссорившись из-за некой прекрасной особы с молодым дворянином, Жан-Батист вызвал того на дуэль. Соперник сначала вызов принял, но затем, узнав, что эльзасец отлично фехтует, передумал и пожаловался отцу. Тот заявил на Клебера в полицию, откуда друзьям удалось его выручить не без усилий[41].

В Страсбурге работы по специальности не нашлось, и, как только подвернулась возможность сменить род деятельности, Клебер за нее с готовностью ухватился. На исходе 1775 г., вступившись однажды в пивной за двух молодых немцев, которых задирала местная молодежь, а затем разговорившись с ними, он узнал о недавно открывшейся в Мюнхене военной школе. Через несколько дней Клебер стал ее курсантом.

Учился он легко и с удовольствием, регулярно получая отличия за свои успехи. Так продолжалось, по словам д'Эрикура, семь или восемь месяцев. А потом в жизнь Клебера опять вмешался случай, радикально изменивший ее траекторию. Началось всё с того, что один из руководителей школы, ранее заслуженный офицер, ушел в мир иной. Юный Клебер, явно не страдая излишней скромностью, подал в вышестоящие инстанции рапорт с просьбой назначить его на освободившееся место. Баварский министр, пораженный подобной дерзостью, велел посадить самоуверенного курсанта на гауптвахту. Обиженный Жан-Батист немедленно разочаровался в своем учебном заведении и решил при первой же возможности его покинуть.

Ждать пришлось недолго. В те же дни Мюнхен посетил австрийский генерал, граф Франц-Венцель фон Кауниц-Ритберг, сын канцлера империи Габсбургов. Конечно же, он не мог не побывать и в военной школе. А поскольку Клебер был одним из лучших учеников, способных произвести на высокопоставленного военачальника хорошее впечатление, его выпустили с гауптвахты. Он тут же воспользовался этим для реализации задуманного. Прекрасный рисовальщик, он устроил в одном из залов школы импровизированную выставку своих работ и тем самым обратил на себя внимание Кауница, который после беседы с юношей пригласил того служить в свой 38-й полк. Так в 1776 г. Клебер оказался в австрийской армии.

Годы спустя после смерти Клебера Наполеон скажет: «В нем не было ничего национального, он мог бы без труда служить и за границей. В юности он начинал службу у пруссаков, к коим остался весьма привязан»[42]. Однако это замечание к тому времени уже экс-императора пристрастно и несправедливо, тем более что в прусской армии Клебер никогда не служил. В целом же практика службы подданных одной страны в войсках другой была широко распространена в Европе Старого порядка и никоим образом не воспринималась как нечто предосудительное. Если такие страны не находились между собой в состоянии войны, никто не считал поступление на иностранную службу изменой. К примеру, известный полководец принц Шарль-Анри Нассау-Зиген за свою жизнь успел повоевать во французской, испанской и русской армиях.

На австрийской службе Клебер провел семь лет и четыре месяца, добравшись за столь солидный срок только до чина младшего лейтенанта. Увы, с его скромным происхождением рассчитывать на более быструю карьеру не приходилось. Разочарованный невозможностью

---

[40] Ibid. P. 33.

[41] *Hericourt L., d'.* Vie du général Kléber. P. 19–22.

[42] *Las Cases E., de.* Le Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 2017. P. 224.

дальнейшего продвижения по службе, Клебер в 1783 г. подал в отставку. Не исключено, что, случись в ту пору война, ему бы удалось добиться большего, но это был тот редкий случай, когда целых семь лет Австрия ни с кем по-настоящему не воевала, а Война за баварское наследство 1778–1779 гг. оказалась таковой лишь на бумаге. Прусские и австрийские войска ограничились тогда маневрированием, так и не вступив между собой в бой.

Вернувшись в Страсбург, Клебер в 1784 г., благодаря протекции своего сводного брата, преуспевающего архитектора, получил должность инспектора публичных зданий. Наконец-то он смог работать по специальности. В последующие восемь лет он выполнил в городах Верхнего Эльзаса ряд крупных архитектурных проектов – церковь в Шевремоне, госпиталь в Танне, ратуша в Бельфоре, а также построил и реконструировал множество других зданий. Среди них, словно предвестие будущего, был и Египетский павильон в садах замка Этюп, перепланированных по его личному проекту.

Так бы Клеберу и трудиться до конца дней своих, создавая и совершенствуя здания и парки, если бы не началась Революция, которую он с готовностью поддержал. В 1789 г. он вступил в национальную гвардию Бельфора, а в 1791 г. – в Общество друзей Конституции – местный аналог парижского Клуба якобинцев. Какое-то время ему удавалось совмещать работу архитектора и общественную деятельность, пока правительство революционной Франции не взяло курс на развязывание войны с империей Габсбургов. С объявлением в январе 1792 г. дополнительного набора в армию Клебер стал заместителем командира 4-го добровольческого батальона Верхнего Рейна. Месяц спустя, после того как Франция 20 апреля 1792 г. объявила войну императору, Клебер получил чин подполковника и со своим батальоном влился в состав Вогезской армии генерала А. Ф. де Кюстина.

В октябре 1792 г. войска Кюстина двинулись на восток, пересекли границу и, не встречая сопротивления, захватили Майнц. Однако очень быстро подошедшая австро-прусская армия вынудила французов перейти к обороне на левом берегу Рейна. 23 марта 1793 г. союзники форсировали Рейн, и Кюстин, опасаясь окружения, увел свои основные силы в Эльзас. Для защиты Майнца был оставлен 22-тысячный гарнизон, который немедленно блокировала 50-тысяч-ная армия неприятеля. Началась знаменитая оборона Майнца.

Здесь-то Клебер и получил свое боевое крещение, когда в ночь на 6 апреля во главе крупного отряда предпринял удачную вылазку, захватив у неприятеля большое количество скота и тем самым существенно пополнив запасы провианта у осажденных. За этот успех он получил повышение в звании, став шефом бригады. В ночь на 11 апреля французы предприняли новую вылазку, на сей раз закончившуюся неудачно из-за слабой дисциплины солдат-волонтеров. Но Клебер и в этой ситуации проявил себя с лучшей стороны, лично возглавив контратаку гренадеров и отбросив неприятеля, пытавшегося преследовать отступающие французские части.

30 мая он организовал дерзкую ночную вылазку, попытавшись – ни больше ни меньше – захватить в плен прусского короля Фридриха-Вильгельма II. Вместе с добровольцами он под покровом темноты проник в тыл неприятеля и атаковал вражескую штаб-квартиру. Король едва успел спастись бегством. Французы же сражались с пруссаками всю ночь, а под утро растворились в темноте, вернувшись в город. В ночь на 25 июня осажденные вновь предприняли вылазку под командованием Клебера, уничтожив батарею тяжелой артиллерии.

И все же положение осажденных продолжало неуклонно ухудшаться. В городе начался голод. Более 200 прусских орудий денно и нощно бомбардировали Майнц, а помощь всё не приходила. 23 июля 1793 г. французское командование было вынуждено подписать капитуляцию, правда, на самых почетных условиях: французские войска уходили со всем своим оружием и снаряжением, лишь дав обещание не воевать против австро-прусской коалиции в течение года. 25 июля гарнизон в боевом строю и с развернутыми знаменами покинул Майнц.

Однако из Парижа ситуация виделась иначе. Там тон задавали голоса, обвинявшие защитников Майнца в трусости, а их командиров – в измене. После того как части гарнизона

вступили на французскую территорию, командовавшие ими генералы и старшие офицеры, включая Клебера, были арестованы и отправлены под конвоем в Париж. Предполагалось привлечь их к суду за капитуляцию. Лишь энергичное вмешательство членов Конвента А. К. Мерлена (из Тионвиля) и Ж.-Ф. Рёбелля, также участвовавших в обороне Майнца, побудило их коллег сменить гнев на милость и не только реабилитировать большинство героев осады, но и воздать им почести. 17 августа Клебер получил звание бригадного генерала.

Но кто-то всё же должен был ответить за потерю Майнца, и под трибунал отправили Кюстина. На его процессе Клебер, выступавший в качестве свидетеля, смело и решительно высказался в защиту главнокомандующего армией, подтвердив профессионализм его действий. Однако для судей гораздо более веским аргументом в пользу виновности Кюстина стало его аристократическое происхождение. Известная революционная активистка Клэр Лакомб даже потребовала в этой связи изгнать вообще всех бывших дворян из армии, заявив: «Чем они талантливее, тем опаснее»[43]. Кюстина осудили и 28 августа гильотинировали. Скорое и неправое судилище произвело на Клебера самое удручающее впечатление. В дальнейшем гражданские политики будут вызывать у него лишь подозрение и неприязнь, а на все предложения самому занять пост главнокомандующего какой-либо из армий он неизменно будет отвечать отказом.

Как уже отмечалось, согласно условиям капитуляции никто из военнослужащих бывшего гарнизона Майнца не имел права в течение года воевать против держав коалиции. Но у Республики имелся и другой враг, быть может даже более опасный, – вандейцы. О них в соглашении о капитуляции Майнца речи не шло, а потому Майнцская армия – такое название получил бывший гарнизон города – в полном составе отправилась на подавление Вандейского восстания. Клебер командовал ее авангардом.

В сентябре 1793 г. армия побережья Бреста генерала Ж. Б. К. Канкло и Майнцская армия генерала Ж. Б. Обер-Дюбайе начали совместное наступление из Нанта вглубь «военной Вандеи», как именовали охваченный восстанием регион. Здесь впервые Клеберу пришлось столкнуться с народной войной, кардинально отличавшейся от действий регулярных армий, хорошо знакомых ему по обороне Майнца. Первый опыт оказался не слишком удачным. 19 сентября авангард под командованием Клебера встретился возле местечка Торфу с основными силами «белых» или Католической и королевской армии, как называли себя повстанцы. Из-за слабого взаимодействия между собой «синих» – республиканцев – бригаде Клебера весь день пришлось в одиночку биться против пятикратно превосходивших ее сил неприятеля. «Я никогда не видел более яростного ожесточения в бою»[44], – признавал позднее Клебер. В рядах восставших сражались даже женщины. В результате «синие» были вынуждены отступить, потеряв до полутора тысяч человек и почти всю артиллерию. Сам Клебер получил ранение в плечо. От полного разгрома республиканцев спасла только контратака подоспевших к вечеру войск генералов Канкло и Обер-Дюбайе, остановившая натиск вандейцев. Однако уже 21 сентября в местечке Монтэгю повстанцы нанесли поражение дивизии генерала Ж. М. Бессера, вынудив «синих» отказаться от дальнейшего наступления. Реакция Конвента последовала незамедлительно: в начале октября 1793 г. генералы Канкло, Обер-Дюбайе и Бессер были сняты с должностей, арестованы и отправлены в Париж.

На смену арестованным военачальникам прибыл генерал-санкюлот Ж. Лешель, возглавивший новообразованную армию Запада, в которую вошли Майнцская армия и армия побережья Бреста, а также часть армии побережья Ла-Рошели. Ничего не понимая в военном деле, Лешель часто отдавал абсолютно нелепые приказы. Опытные генералы по возможности старались их игнорировать или трактовать на свой лад. Прикомандированные к армии комиссары

---

[43] Цит. по: *Brégeon J. J.* Kléber. P. 70.

[44] *Kléber J. B.* Mémoires politiques et militaires. Vendée 1793–1794. Paris, 1989. P. 103.

Конвента и вовсе предпочитали, чтобы в решающие моменты войсками командовал Клебер. Именно он руководил республиканцами 17 октября 1793 г. в битве при Шоле – самом масштабном сражении Вандейской войны, когда на поле боя сошлись 27 тыс. «синих» и 40 тыс. «белых». В жестокой, кровопролитной битве Клебер нанес повстанцам тяжелейшее поражение, стоившее жизни их лучшим военачальникам. «Мятежники сражались, как тигры, а наши солдаты – как львы»[45], – напишет он позднее. В тот же день комиссары Конвента присвоили ему звание дивизионного генерала.

После поражения при Шоле основные силы Католической и королевской армии, сопровождаемые многотысячными толпами мирного населения Вандеи, спасавшегося от мести «синих», форсировали Луару и направились в Нормандию, рассчитывая на помощь англичан. Лешель повел армию Запада вдогонку. В ночь на 26 октября под Лавалем вандейцы атаковали приблизившийся к городу авангард «синих» под командованием Ф. Ж. Вестермана и обратили его в бегство. Когда 27 октября к Лавалю подошли основные силы армии Запада, Клебер предложил не торопиться с атакой, а сначала закончить сосредоточение войск и дать им отдохнуть. Однако Лешель приказал наступать на Лаваль немедленно, построив к тому же армию в одну колонну. «Можно представить мое негодование при прочтении приказа, отмеченного печатью столь вопиющего невежества, но пришлось подчиниться»[46], – вспоминал потом Клебер. В конце концов, шедшие по единственной дороге плотными рядами части «синих» на полпути к Лавалю попали под убийственный огонь повстанцев с близлежащих высот. Увидев, что его армия несет тяжелые потери, Лешель в панике покинул поле боя, а за ним побежали и войска. «Впервые я увидел, как солдаты Майнца бегут»[47], – с горечью напишет Клебер. Сам он с несколькими десятками смельчаков до ночи защищал мост через Майен, не позволив неприятелю продолжить преследование и довершить разгром армии Запада, которая в тот день и так потеряла 4 тыс. чел.

Когда Лешель два дня спустя попытался провести в Анже смотр того, что осталось от армии, солдаты встретили его криками: «Долой Лешеля! Да здравствует Обер-Дюбайе! Пусть нам его вернут. Да здравствует Клебер!»[48] Видевшие всё это комиссары Конвента отстранили Лешеля от должности и предложили ее Клеберу, но тот, помня о печальной судьбе предшественников, отказался. Новым главнокомандующим несколько недель спустя был назначен еще один генерал-санкюлот – Ж. А. Россиньоль, столь же малосведущий в военном деле, как и предыдущий.

В ожидании его прибытия Клебер занялся в Анже переформированием армии. Вскоре он получил весть, что Комитет общественного спасения приказал арестовать его и Н. Аксо (Нахо), еще одного «майнцского» генерала, по обвинению в «роялизме», чтобы предать суду за неудачу под Лавалем. Обоих спасло только заступничество комиссаров Конвента при армии, прекрасно знавших достоинства каждого из военачальников. В очередной раз коса революционного террора прошла рядом с Клебером, не задев его.

К середине ноября 1793 г. две подчиненные Россиньолю армии – Запада и побережья Бреста – сосредоточились в Ренне. Вандейцы тем временем после неудачного штурма нормандского порта Гранвиль отступили в городок Дол. Клебер предлагал блокировать подступы к Долу и взять неприятеля измором, избегая лишних потерь. Однако Россиньоль прислушался к Вестерману, заверявшему, что повстанцы не выдержат прямой атаки и можно будет одним ударом положить конец Вандейской войне. Увы, попытка взять 22 ноября Дол наскоком завершилась тяжелым поражением, после которого «синие» в беспорядке откатились в Ренн. Кле-

[45] Ibid. P. 147.

[46] Ibid. P. 161–162.

[47] Ibid. P. 163.

[48] Ibid. P. 167.

беру вновь пришлось прикрывать отступление армии, на сей раз с бригадой генерала Ф. С. Марсо. «Какого успеха можно ожидать от выполнения приказов, порожденных некомпетентностью и столь же пагубным пьянством?»[49] – подвел он печальный итог событиям того дня.

После этого поражения Россиньоль, не продержавшись на должности и месяца, подал в отставку. Клеберу предложили временно занять пост главнокомандующего, пока из Парижа не прибудет новый назначенец военного министерства, но Клебер вновь отказался выходить на авансцену, предпочитая действовать из-за кулис. 25 ноября 1793 г. на военном совете он предложил следующее распределение должностей: Марсо – временный главнокомандующий армией, Вестерман – командующий кавалерией, генерал-адъютант Ж. Б. Дебийи – командующий артиллерией. На пост коменданта Ренна Клебер выдвинул Франсуа-Этьена Дама, своего бывшего адъютанта, ранее участвовавшего в обороне Майнца, затем прекрасно проявившего себя при Шоле и всего лишь двумя днями ранее получившего чин бригадного генерала. Предложение Клебера было принято к его большому удовлетворению: «Реорганизация закончилась, и я почувствовал, что избавился от огромного бремени. Я дружил с Марсо и был уверен, что он ничего не предпримет, не посоветовавшись со мной. Он был молод, энергичен, умен, полон отваги и дерзости. Мне, более хладнокровному, чем он, предстояло сдерживать его горячность, если она будет выходить за рамки разумного. Мы обещали друг другу не расставаться, пока победа не вернется под наши знамена»[50].

Новым главнокомандующим армией Запада был назначен генерал Л. М. Тюрро. Но, пока он ехал из армии Восточных Пиренеев к новому месту службы, армия Запада под командованием Марсо нанесла 12–13 декабря тяжелое поражение вандейцам при Ле-Мане. Дивизия Клебера приняла участие в боях на второй день сражения, но главная заслуга в победе принадлежала кавалерии Вестермана. Зато 22 декабря 1793 г. возле городка Савенэ именно Клебер привел «синих» к победе в последнем крупном сражении Вандейской войны.

Когда генерал Тюрро 26 декабря прибыл в армию Запада, воевать ему было уже практически не с кем: основные силы вандейцев были разгромлены и уничтожены. Новому главнокомандующему предстояло лишь выполнить приказ Конвента об умиротворении мятежного региона. 7 и 8 января 1794 г. Клебер представил Тюрро свои соображения на сей счет. Эльзасец предложил ограничиться точечными действиями мобильных колонн против еще сохранявшихся отрядов повстанцев и держать население под строгим контролем, воздерживаясь тем не менее от широкомасштабного военного вторжения в регион, чтобы не спровоцировать новую вспышку протестного движения[51]. Однако Тюрро отверг его предложение и привел в действие свой план массированной карательной экспедиции против населения Вандеи силами воинских соединений, названных позднее «адскими колоннами».

Клебер не имел ни малейшего желания участвовать в карательной операции против мирных жителей и был фактически отстранен от дел. В апреле 1794 г. военное министерство «вспомнило» о нем и направило в Бретань на борьбу с движением шуанов – крестьян-роялистов, партизанскими методами воевавших против Республики. Клебер только-только успел приступить к выполнению этой задачи, подготовив инструкцию для подчиненных о специфике подобной войны и отдав приказ о формировании мобильных колонн для преследования партизанских отрядов, как получил новое назначение – в Северную армию, сражавшуюся против войск антифранцузской коалиции на границе Австрийских Нидерландов (Бельгии). Оговоренный условиями капитуляции в Майнце годичный срок, в течение которого Клебер не мог воевать против коалиции, истек, и эльзасец получил право вернуться на фронты внешней войны. Впрочем, за истекший год он сумел многого достичь: приобрел ценный военный опыт

[49] *Kléber J. B.* Mémoires politiques et militaires. Vendée 1793–1794. P. 196.

[50] Ibid. P. 204.

[51] Ibid. P. 231–235.

и славу «победителя Вандеи», а главное – выжил в горниле революционного террора. Другим его сослуживцам повезло гораздо меньше. К тому времени Бессера и Вестермана уже гильотинировали, Лешель скоропостижно скончался накануне ареста, Канкло и Обер-Дюбайе все еще сидели в тюрьме, ожидая трибунала.

В середине мая Клебер прибыл к новому месту назначения, где получил под свое начало дивизию в только что образованной группе войск генерала Ж. Б. Журдана, куда вошли правый фланг Северной армии, Арденнская армия и левый фланг Мозельской армии. Всего месяц спустя, едва успев войти в курс дела, Клебер принял участие в грандиозной операции, оказавшей решающее влияние на исход всей кампании 1794 г.

Войска Журдана 12 июня форсировали реку Самбра и блокировали австрийскую крепость Шарлеруа, ключевой пункт обороны Австрийских Нидерландов. Одна дивизия приступила к осаде, а остальные для прикрытия расположились на близлежащих высотах дугой, имевшей в длину до 30 км. 16 июня армия союзников под командованием принца Оранского четырьмя колоннами атаковала французскую линию обороны, прорываясь на помощь крепости. Правый фланг и центр французов были выбиты с их позиций и в беспорядке отступили обратно за Самбру. А вот на левом фланге успешные действия дивизии Клебера поставили находившегося здесь принца Оранского в крайне сложную ситуацию. От поражения колонну принца спасло лишь то, что, узнав о неудаче французов на других направлениях, Клебер прекратил ставшее бесполезным наступление и тоже ушел за Самбру. Принц же, одержав верх в «первом сражении при Флерюсе» и полагая, что французы больше не вернутся, ушел от стен крепости.

Однако 18 июня Журдан повторил прежний маневр: опять форсировал Самбру, осадил Шарлеруа и развернул армию на высотах для прикрытия осады. 25 июня после интенсивной бомбардировки крепости комендант подписал капитуляцию, не зная, что к нему на помощь уже спешат основные силы союзников под командованием принца Кобурга. 26 июня войска Кобурга пятью колоннами предприняли концентрическую атаку французской оборонительной линии, тараня ее с разных направлений. Первым же натиском все пять колонн сбили французов с занимаемых теми позиций. Лишь с большим трудом Журдан сумел нейтрализовать начальный успех неприятеля, введя в бой резервы. В частности, левый фланг французов спасла отправленная туда дивизия Клебера. О том, как могло бы завершиться сражение, если бы австрийцы продолжали наседать, нам теперь остается лишь догадываться. Французы держались уже из последних сил, когда принц Кобург, узнав о капитуляции Шарлеруа, отказался от дальнейшего наступления и увел войска. Так, во «втором сражении при Флерюсе» Журдан одержал нечаянную победу, которая позволила ему обернуть ход всей кампании 1794 г. в пользу французов. И одним из главных творцов этого успеха, бесспорно, стал Клебер.

Преобразованные после победы при Флерюсе в отдельную Самбро-Маасскую армию войска Журдана продолжили наступление, заняв в последующие недели весь юг Австрийских Нидерландов. Дивизия Клебера взяла 15 июля штурмом город Лувен, вышла к границе с Соединенными Провинциями и 17 сентября блокировала мощную голландскую крепость Маастрихт. 2 октября Клебер, доверив генералу Луи Фриану руководить осадой Маастрихта на время своего отсутствия, с остальными силами дивизии принял участие в сражении при Альденхофене, где, командуя левым флангом армии Журдана, внес во многом решающий вклад в победу над австрийской армией. Вернувшись затем к Маастрихту, Клебер лично возглавил осаду крепости и уже 4 ноября принудил ее к капитуляции.

Слава и популярность Клебера во Франции достигли невероятных высот. Казалось, невозможного для него просто не существует. И, когда Самбро-Маасская армия встала на зимние квартиры, Конвент 20 ноября отозвал из нее Клебера для решения очередной сложнейшей задачи – отбить у австрийцев хорошо знакомый ему Майнц. Для этого Клеберу выделялись пять дивизий Мозельской и Рейнской армий, уже стоявшие у стен этой крепости. Однако

подобное «доверие» у самого Клебера восторга не вызвало. После нескольких месяцев непрерывного наступления, больной и уставший, он вынужден был оставить однополчан для того, чтобы с не знакомыми ему войсками в условиях зимнего времени попытаться захватить одну из сильнейших крепостей Европы. «Зная, мой дорогой друг, обо всём том уважении и искренней привязанности, которые я к тебе испытываю, – писал он Журдану, – ты поймешь печаль, овладевшую мною при получении приказа покинуть победоносную армию, находящуюся под твоим началом. Зачем мне скрывать от тебя, что я плакал, как ребенок? Однако, заплатив эту дань дружбе и чувствительности души, которую бессердечные люди сочли бы слабостью, я принимаю свой удел и уезжаю послезавтра утром»[52].

23 ноября Клебер отправился к Майнцу, захватив с собою несколько старших офицеров, в том числе своего верного друга Дама и генерал-адъютанта Мишеля Нея (будущего маршала). Его новая должность называлась «командующий Майнцской армией», но подчиняться он должен был главнокомандующему Рейнской армией генералу К. И. Ф. Мишо.

На месте выяснилось, что задача, стоявшая перед Клебером, даже еще сложнее, чем это казалось издалека. Хотя в его распоряжение и поступили отличные войска с превосходными командирами (в частности, одной из дивизий командовал генерал Дезе, с которым далее мы в этой книге еще не раз встретимся), они испытывали страшный дефицит снаряжения, боеприпасов и провианта. В ответ на соответствующие запросы Комитет общественного спасения присылал лишь новые требования ускорить взятие крепости. Однако армия Клебера не имела достаточно сил даже для полной блокады города, и гарнизон свободно получал с правого берега Рейна всё необходимое, включая свежие подкрепления.

Между тем зима выдалась на редкость холодной. Рейн покрылся льдом. Теперь французы испытывали острую нужду уже не только в хлебе, но и в дровах для приготовления пищи и обогрева. По ночам часовые порою замерзали насмерть. На военном совете Клебер предложил отвести войска от линии соприкосновения с неприятелем, чтобы обеспечить им более приемлемое размещение, но комиссары Конвента решительно этому воспротивились. В результате численность армии начала быстро таять: голод, холод и болезни неуклонно подтачивали ее силы. Здоровье самого Клебера также резко ухудшилось, и 13 февраля 1795 г. он получил разрешение уехать в Страсбург лечиться.

А ситуация под Майнцем продолжала усугубляться. Солдаты, изнуренные лишениями, находились на грани бунта. Отчаявшись выполнить поставленную Конвентом задачу, главнокомандующий Рейнской армией Мишо подал рапорт об отставке. Правительство 2 апреля предложило Клеберу временно занять этот пост. Он, скрепя сердце, согласился, но уже две через недели прибыл постоянный главнокомандующий Ж. Ш. Пишегрю, и Клебер, сдав ему бразды правления, с легким сердцем отбыл в свою любимую Самбро-Маасскую армию.

В летне-осеннюю кампанию 1795 г. Журдан поручил Клеберу командовать левым крылом армии, состоявшим из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий и насчитывавшим в общей сложности более 40 тыс. чел. Именно этому корпусу отводилась решающая роль в форсировании Рейна и дальнейшем наступлении по правому берегу реки на юг – к злополучному Майнцу. Готовя операцию, Клебер особо позаботился о том, чтобы к нему из Рейнской армии вернулись его ближайшие сподвижники и в первую очередь генерал Дама. Подготовительные мероприятия продолжались всё лето; тем не менее австрийцы так и не смогли разгадать направление главного удара.

В ночь с 5 на 6 сентября корпус Клебера неожиданно для врага переправился через Рейн под Дюссельдорфом и, воспользовавшись смятением противника, с ходу захватил эту хорошо вооруженную крепость. В последующие дни, преследуя отступающего на юг неприятеля, он очистил от австрийцев правый берег Рейна, что позволило переправиться через реку и осталь-

[52] Цит. по: *Pajol Ch. P. V.* Kléber, sa vie, sa correspondance. P. 127.

ным силам Самбро-Маасской армии. Продолжая стремительное наступление, части Журдана 26 сентября подошли к Майнцу с севера. Осаду крепости вновь поручили Клеберу, передав ему в оперативное подчинение помимо его собственных войск три дивизии Рейнско-Мозельской армии.

И все же Майнц по-прежнему остался для французов камнем преткновения. Главнокомандующий Рейнско-Мозельской армией генерал Пишегрю, установивший к тому времени тайные связи с французскими роялистами, саботировал все усилия по активизации совместных действий двух армий. Австрийцы умело воспользовались предоставленной им паузой, перегруппировали силы и 11 октября перешли в контрнаступление, вынудив Самбро-Маасскую армию начать поспешное отступление на север, а затем – на левый берег Рейна.

Уходя от неприятеля, войска Клебера должны были перейти на левый берег по понтонному мосту в Нойвиде, однако досадная случайность едва их не погубила. Командовавший арьергардом генерал Марсо проявил излишнюю поспешность, приказав саперам спалить стоявшие у правого берега лодки, чтобы те не достались противнику. Горящие лодки понесло течением к понтонному мосту, который они в результате и сожгли. Путь через реку оказался отрезан. Марсо в отчаянии от содеянного попытался застрелиться, но Клебер остановил своего порывистого друга и хладнокровно приказал ему готовить войска к обороне. Затем эльзасец вызвал командира понтонеров и спросил, сколько времени нужно для постройки нового моста. – «Двадцать четыре часа», – ответил тот, на что Клебер заявил: «Даю вам тридцать, но за результат ответите головой». Французские войска развернулись в боевой порядок. Однако австрийцы, зная, что имеют дело с Клебером, так и не решились их атаковать на протяжении всех 30 часов. Следующей же ночью французские части спокойно переправились на левый берег по новому мосту[53].

После вынужденного ухода войск Журдана с правого берега австрийцы бросили все свои силы против Рейнско-Мозельской армии, поставив ее на грань краха из-за злонамеренного бездействия Пишегрю. 12 ноября Клебер получил распоряжение правительства временно возглавить Рейнско-Мозельскую армию, пока Пишегрю съездит в столицу за новыми инструкциями. Клебер отказался, сославшись на болезнь и на то, что «подобное бремя превышает его силы»[54]. Правда, когда Журдан в начале 1796 г. отправился в Париж, Клебер вполне успешно подменял его на посту главнокомандующего Самбро-Маасской армией в течение нескольких недель.

В кампанию 1796 г. Клеберу опять доверили командовать левым крылом Самбро-Маасской армии, которому отводилась решающая роль в предстоящем летнем наступлении. Отчасти план действий повторял тот, что был реализован предыдущей осенью, за исключением первой фазы: теперь Клеберу уже не надо было форсировать Рейн, поскольку его войска и так стояли в Дюссельдорфе. В остальном же ему предстояло действовать по ранее отработанной схеме: идти на юг, очищая правобережье Рейна от неприятеля, чтобы дать возможность переправиться через реку главным силам Журдана. Наступление началось 1 июня 1796 г. Клебер во главе двух подчиненных ему дивизий успешно выдвинулся на юг и 4 июня в сражении у Альтенкирхена нанес поражение австрийской армии Нижнего Рейна, вынудив ее отступить с большими потерями. Это позволило беспрепятственно форсировать реку и остальным частям Самбро-Маасской армии.

Однако после нескольких дней успешного наступления французов вглубь вражеской территории ситуация резко переменилась. Командовавший австрийской армией Верхнего Рейна эрцгерцог Карл воспользовался тем, что Рейнско-Мозельская армия генерала Ж. В. Моро

---

[53] См.: *Pajol Ch. P. V.* Kléber, sa vie, sa correspondance. P. 189–190; *Бовэ де Прео Ш. Т.* Революционные войны. Победы, завоевания, поражения, перевороты и гражданские войны французов. 1792–1802 гг. [1817]. 1794–1795. М., 2018. Т. 2. С. 461–462.

[54] Цит. по: *Pajol Ch. P. V.* Kléber, sa vie, sa correspondance. P. 193.

задержалась с наступлением, бросил все свои силы против Журдана. Обладая полуторным численным преимуществом, Карл 15 июня нанес ему поражение у Вецлара и отбросил основные силы Самбро-Маасской армии на левый берег Рейна.

Клебер остался на правом берегу один против многократно превосходивших его сил неприятеля. Он ускоренным маршем повел свои части обратно к Дюссельдорфу, но 19 июня был атакован австрийцами у Кирхгайма. Французы успешно отбили атаку неприятеля, попытались контратаковать, но, натолкнувшись на упорное сопротивление, не стали ввязываться в продолжительный бой и отошли со значительными потерями. В дальнейшем обе стороны приписали победу себе: французы – потому что отразили первоначальную вражескую атаку, австрийцы – потому что в итоге поле боя осталось за ними.

Как бы то ни было, после трех недель кампании Самбро-Маасская армия вновь очутилась на исходных позициях. И только когда двинувшаяся, наконец, на восток Рейнско-Мозельская армия оттянула на себя войска эрцгерцога Карла, Журдан вновь смог форсировать Рейн. На левом крыле его армии дивизии Клебера выступили 28 июня 1796 г. из Дюссельдорфа и уже 16 июля заняли Франкфурт-на-Майне.

31 июля Журдан из-за болезни опять временно передал свои полномочия Клеберу. Под командованием последнего Самбро-Маасская армия 4 августа заняла стратегически важный город Бамберг, а 7 августа нанесла поражение австрийцам при Форххайме. После этих побед Клебер вернул выздоровевшему Журдану бразды правления и, считая, что положение армии вполне устойчиво, сам взял краткий отпуск для поправки здоровья.

После возвращения он, однако, обнаружил, что в его отсутствие ситуация радикально изменилась в худшую сторону. Воспользовавшись нежеланием Моро и Журдана координировать свои действия, эрцгерцог Карл сосредоточил против Самбро-Маасской армии основные австрийские силы, значительно превосходившие ее по численности. Узнав об этом, Журдан начал отступать. Клебер, возмущенный тем, что армия столь легко уступает противнику стратегическую инициативу, подверг решения главнокомандующего острой критике. Отношения между прежними друзьями быстро ухудшались. Конфликт зашел так далеко, что в конце августа Клебер подал в отставку. В его отсутствие Журдан 3 сентября 1796 г. потерпел тяжелое поражение от эрцгерцога Карла под Вюрцбургом, после чего Самбро-Маасская армия безостановочно покатилась на запад и остановилась только на левом берегу Рейна. Следом пришлось отступить и Рейнско-Мозельской армии.

Из-за неудач в кампании 1796 г. Директория Французской республики сняла Журдана с поста главнокомандующего, заменив его генералом П. Р. Бёрнонвилем. Тому предстояло полностью реорганизовать армию, утратившую боеспособность, и он обратился к Директории с просьбой вернуть Клебера. На соответствующее предложение Клебер согласился, получив пост командующего центром и правым крылом Самбро-Маасской армии. Впрочем, вскоре Директория изменила свое решение: Бёрнонвилю поручили возглавить Северную армию, а новым главнокомандующим Самбро-Маасской армией назначили Клебера. Тот, по своему обыкновению, отказался. Правда, ему из-за нездоровья Бёрнонвиля всё же пришлось в течение января 1797 г. единолично руководить всей Самбро-Маасской армией. Предприняв за этот срок необходимые меры по ее восстановлению, он передал армию вполне боеспособной новому главнокомандующему – Моро и, наконец, ушел в отставку, как он полагал, теперь уже бесповоротно. В письме Моро от 13 января 1797 г. Клебер сообщал:

> «Я покидаю армию 20 января: ни мое здоровье, ни та горечь, что переполняет мою душу, не позволяют мне служить моей родине на военном поприще, и меня очень огорчило бы, если бы Директория предприняла какой-

> либо демарш, пытаясь меня удержать. Мои лошади и снаряжение уже проданы, и я испытываю абсолютную потребность в отдыхе»[55].

Разумеется, причиной столь неожиданной отставки и добровольного ухода с вершин славы в глухую безвестность частной жизни не могло быть одно лишь состояние здоровья. Ссылки на таковое считались у старших офицеров и генералов революционной армии вполне уважительным предлогом для отхода от дел, когда что-либо по службе шло не так, но редко бывали истинной причиной ухода из армии. Когда дела шли хорошо, на здоровье обычно никто не жаловался. Так, генерал Луи-Лазар Гош, вскоре сменивший Моро во главе Самбро-Маасской армии, к тому моменту был уже неизлечимо болен туберкулезом, но так и не покинул поста главнокомандующего до самой смерти. Впрочем, Клебер, как можно видеть из его письма Моро, и не сводил причины своего ухода исключительно к болезни, а упоминал также о «горечи, переполняющей душу». Чем она была вызвана? Возможно, отчасти это объясняет его письмо Бёрнонвилю от 28 сентября 1796 г.:

> «Солдат Революции, я взял в руки оружие только для того, чтобы завоевать свободу и отбросить врагов от наших границ. Свобода завоевана, враги далеко от наших границ, родина довольна, а я служил только ей. Я не хочу быть и никогда не стану покорным исполнителем какого-либо плана завоеваний, способного хоть на миг отсрочить счастье моих сограждан»[56].

Очевидно, война утратила в глазах Клебера всякий смысл, когда превратилась в откровенно завоевательную. Он и раньше испытывал острую неприязнь к «власти адвокатов», которые отправляли на эшафот заслуженных генералов одним росчерком пера и морили голодом солдат на передовой, наживаясь на махинациях с поставками. Теперь же, когда внешняя опасность Республике более не угрожала, он и вовсе не видел смысла им служить. Если многие военные продолжали делать это из честолюбия или корысти, то Клебер был свободен и от того, и от другого. Мы видели, как легко он отказывался от всех предложений занять пост главнокомандующего. Что же касается денег, то свое отношение к ним он так сформулировал 15 мая 1798 г. в одном из частных писем:

> «Богатства я совершенно не жажду. Лишний обол, к тому же неправедно приобретенный, разрушит мое состояние счастья и всю мою философию. Если я перечислю вам, мой верный и надежный друг, все те преимущества, которые мне дает моя бедность во время этой политической бури, громы и молнии которой, направляемые жадностью и завистью, настигли и поразили, а также продолжают настигать и поражать столько невинных жертв, то вы сами настоятельно попросили бы меня никогда от нее не отказываться. И я буду сохранять ее всегда»[57].

Оставив армию, Клебер сначала отправился в Страсбург, а затем в Париж, где поселился в квартале Шайо (сегодня там заканчивается проспект Клебера, идущий от площади Звезды). Он жил тихой, неприметной жизнью, избегая общения с политиками и поддерживая отношения преимущественно с такими же, как он сам, «отставниками» – Журданом, с которым помирился, и Моро, который после заключения Леобенского мира тоже ушел из армии.

Однако известность Клебера была слишком велика, чтобы о нем так просто забыли. Его стремление дистанцироваться от власти казалось ей подозрительным, и за ним внимательно наблюдали. Да и в армии у Клебера имелись недоброжелатели. Тот же Гош, находясь уже одной ногой в могиле, отправил после произведенного Директорией антироялистского переворота 18

---

[55] Цит. по: *Pajol Ch. P. V*. Kléber, sa vie, sa correspondance. P. 260.

[56] *Chuquet A*. Quatre généraux de la Révolution: Hoche et Desaix, Kléber et Marceau. Paris, 1911–1920. P. 237.

[57] Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988. T. 2. P. 552.

фрюктидора V года Республики (4 сентября 1797 г.) донос властям на Клебера, требуя покарать того за «роялизм». Впрочем, эльзасцу опять повезло, и волна захлестнувших Париж репрессий прошла стороной. Тем не менее, по свидетельству д'Эрикура, Клебер в те дни постоянно держал при себе пару пистолетов, чтобы застрелиться в случае попытки ареста.

В последующие три месяца, однако, произошли события, заставившие Клебера прервать уединенную жизнь и вернуться на военное поприще.

В Париж 26 октября 1797 г. из Итальянской армии прибыл генерал Бертье с известием о том, что ее главнокомандующий Наполеон Бонапарт подписал восемью днями ранее с австрийцами мирный договор в Кампо-Формио. Это означало, что Первая антифранцузская коалиция прекратила свое существование. Теперь Французской республике противостояла одна лишь Англия. В тот же день Директория постановила создать армию для высадки на Британские острова и поручить командование ею Бонапарту.

5 декабря в столице появился и сам Бонапарт, немедленно приступивший к подготовке новой кампании. Стремясь собрать под свои знамена весь цвет французского революционного генералитета, он решил привлечь к экспедиции и Клебера, что, надо сказать, было совсем не удивительно. После того, как Журдан стал депутатом, Моро ушел в частную жизнь, Пишегрю примкнул к роялистской эмиграции, Марсо нашел смерть от австрийской пули, а Гош – от чахотки, во французской армии не оставалось больше ни одного генерала, способного по заслугам и известности сравниться с Клебером. Более того, по своему боевому опыту и количеству одержанных побед эльзасец превосходил тогда даже Бонапарта, имея за плечами пять полноценных военных кампаний, тогда как у корсиканца, если не считать мимолетного тулонского эпизода и подавления вандемьерского восстания, их было только две – в Италии 1796–1797 гг. Правда, Клебер, в отличие от Бонапарта, никогда не занимал на постоянной основе должности главнокомандующего, но, как мы видели, только потому, что сам этого не хотел. Командовать же ему порою доводилось и гораздо бóльшими силами, чем те, что в 1796–1797 гг. составляли Итальянскую армию, и чем те, что предназначались теперь для высадки в Англии.

Не будучи лично знаком с Клебером, Бонапарт отправил для разговора с ним генерала Луи Максимилиана Каффарелли Дюфальга. Потомок давно офранцузившегося итальянского рода, военный инженер Каффарелли ранее воевал под командованием Клебера в Самбро-Маасской армии, в кампанию 1795 г. потерял ногу, но заменил ее деревянным протезом и продолжил воинскую службу. Теперь ему предстояло возглавить инженерные войска в армии, предназначенной для высадки в Англию. Каффарелли убедил Клебера встретиться с Бонапартом.

Этот момент мне хотелось бы осветить как можно более подробно, поскольку личные отношения Бонапарта и Клебера окажут во многом определяющее влияние на судьбу забытой армии, но имеющиеся у нас источники, к сожалению, не позволяют сделать это с удовлетворительной степенью достоверности. Об их первых встречах мы знаем только со слов Бонапарта, произнесенных много лет спустя на острове Святой Елены и записанных генералом А. Г. Бертраном. Впервые бывший император коснулся этой темы в разговоре 31 августа 1816 г.:

> «Клебер еще до установления Империи предлагал мне возглавить государство: "Вы, Моро и я – мы же прогоним этих каналий, не беспокойтесь". Но я не считал, что ситуация созрела, и к тому же был искренним республиканцем. Я не слишком хорошо понимал, как далеко они готовы зайти, и, возможно они сами этого не знали, если вообще не были жертвой обмана Бурбонов или их агентами»[58].

В январе 1819 г., вспоминая о Клебере, Наполеон опять коснулся того же сюжета:

[58] *Bertrand H. G.* Cahiers de Sainte-Hélène. Paris, 1951. T. 1. P. 115.

> «Он не любил Революцию. Когда [я] вернулся из Италии, они с Каффарелли хотели захватить власть, видя в ней лишь средство быть на виду (paraître), иметь женщин и деньги. Он пользовался поддержкой Сийеса. Он сказал мне: “Я дам вам Рейнскую армию. Ну да вы ведь и сами можете сделать всё, что захотите, имея Итальянскую армию. Что вас пугает?”»[59].

А. Лоранс принимает эти утверждения Наполеона за чистую монету[60], однако, на мой взгляд, бывший император, ведя на острове Святой Елены свою последнюю битву – за место в памяти потомков, в данном случае все же выдавал желаемое за действительное. Ни Моро, ни Каффарелли, ни Клебера уже не было в живых, а потому опровергнуть его они не могли. В трактовке же Наполеона все трое выглядят, с одной стороны, «брюмерианцами до брюмера», то есть тем самым освящают своими именами его будущий переворот, с другой – людьми, в отличие от него самого лишенными государственной мудрости, не слишком далекими и готовыми пожертвовать Республикой ради низменных интересов. Однако, как мы видели ранее, Клебер отнюдь не стремился к богатству, да и в отношениях с женщинами проблем не испытывал, а потому едва ли ради всего этого стал бы затевать государственный переворот. Кстати, и к «Рейнской армии», точнее – к Рейнско-Мозельской, он, в отличие от Самбро-Маасской, прямого отношения не имел и вряд ли стал бы так уверенно обещать ее поддержку.

Впрочем, дело даже не в деталях этого гипотетического разговора, а в том, мог ли он состояться вообще? За время Революции Клебер неоднократно находился под угрозой репрессий. В последний раз такая участь миновала его лишь за три месяца до приезда Бонапарта в Париж. Весьма сомнительно поэтому, что он стал бы столь откровенно говорить на смертельно опасную тему с практически не знакомым ему человеком. А именно таковым Бонапарт оставался для него даже несколько месяцев спустя после начала их сотрудничества. 11 мая 1798 г., накануне отплытия в Египет, Клебер писал своей приятельнице мадам Шатожирон о Бонапарте:

> «Я всё еще его совсем не знаю. Он так внезапно появился на сцене и сумел так рано обрести большой авторитет, а его возвышение было столь стремительным, что на том расстоянии, на котором я находился, мне было невозможно за ним наблюдать и его изучить. Однако в предстоящих событиях мне надо его узнать. Там, в непосредственной близости от него, я постараюсь постичь его особенности через те средства, которые он станет использовать для достижения задуманных им грандиозных результатов, а его характер – через поведение в тех необычных ситуациях, которые неизбежны в столь чрезвычайных обстоятельствах»[61].

Влиятельный депутат Совета пятисот А. К. Тибодо позднее вспоминал, что и с ним Клебер накануне экспедиции делился своим желанием в ходе нее лучше узнать Бонапарта, правда, делал это в гораздо более резких выражениях, чем в процитированном выше письме к даме: «Генерал Клебер, искренне не любивший Бонапарта, также поехал [в Египет], чтобы, как говорил он в своей грубой и энергичной манере, “посмотреть, что там за душой у этого мелкого содомита”»[62].

Поскольку эльзасец ничего не знал о личности главнокомандующего Итальянской армией, чья звезда лишь недавно взошла на небосклоне Французской республики, вряд ли он

---

[59] *Idem*. Op. cit. Paris, 1959. T. 2. P. 223.

[60] См.: *Laurens H.* Introduction // Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988. T. 1. P. 93–94; *Idem*. L’expédition d’Égypte 1798–1801. P. 38.

[61] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 551–552.

[62] *Tibeaudeau A. C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. Paris, 1827. T. 2. P. 348.

стал бы с ним столь откровенно делиться своим желанием свергнуть правительство, если даже такое желание у него и было. Единственное, что можно точно утверждать: Бонапарту удалось в ходе личной встречи убедить Клебера вернуться на воинскую службу и принять участие в экспедиции на Британские острова. Уже 11 января 1798 г. Бонапарт, сообщив в генералу Бертье, что тот назначен в его армию начальником штаба, добавляет, что в ее рядах будут также служить «Клебер, Дезе, Гувион Сен-Сир, Лефевр, Шампионне и др.»[63]. День спустя Директория издала постановление о составе армии для десанта в Англию: Клебер был назван среди ее 18 дивизионных генералов[64].

Чтобы оценить возможности для будущей высадки, Бонапарт отправил в начале февраля 1798 г. наиболее опытных военачальников в ряд северных портов Франции, сам же поехал инспектировать берега Па-де-Кале. Клеберу достался Гавр. Результаты этих командировок обескураживали: у Франции не было достаточно ресурсов и, в частности, судов для осуществления подобной операции. 23 февраля Бонапарт представил Директории соответствующий доклад. Напрямую Англия оказалась недостижима. Требовалось искать иные средства для принуждения ее к миру. 5 марта Директория приняла решение отправить армию под командованием Бонапарта на завоевание Египта, которому предстояло стать плацдармом для дальнейшего продвижения в Индию.

Подготовка грандиозной экспедиции прошла в рекордно короткое время, заняв всего два с половиной месяца. Естественно, в столь сжатые сроки сделать это качественно было просто невозможно. Поэтому предприятие носило во многом авантюрный характер, что Клебер не преминул отметить в письме мадам Шатожирон от 8 мая 1798 г.:

> «…Экспедиция мне кажется спланированной весьма поверхностно. Здесь, как и в тысяче других случаев, непредусмотрительность будет восполняться отвагой, и, может быть, фортуна увенчает успехом те начинания, которые здравый рассудок никогда не осмелился бы предпринять»[65].

Тем не менее сам Клебер, которому было поручено командовать одной из пяти дивизий, состоявшей из солдат столь дорогой ему Самбро-Маасской армии, принял самое деятельное участие в подготовке к походу.

19 мая 1798 г. французская эскадра с армией Бонапарта на борту вышла из Тулона и взяла курс на восток. По пути к ней должны были присоединиться отряды кораблей с войсками из Италии и Корсики. Можно предположить, что Клебер покидал родину с тяжелым сердцем. Во всяком случае на эту мысль наводит содержание письма, отправленного им своему страсбургскому другу Селье 13 мая. Конечная цель экспедиции держалась в строгом секрете, поэтому Клебер говорит о месте назначения достаточно туманно, однако минорная тональность его настроения очевидна:

> «Я покидаю Францию и, может быть, даже Европу. В моем возрасте редко возвращаются из подобных экспедиций, но я вновь посвящаю свою жизнь славе нашего оружия и процветанию Республики. Каково бы ни было расстояние, которое нас разделит, я буду любить вас всегда как моего лучшего друга…»[66]

---

[63] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 1. P. 90.

[64] Ibid. P. 97.

[65] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 551.

[66] Цит. по: *Brégeon J. J.* Kléber. P. 175.

Александрия

Если бы мы ничего не знали о том, как в ходе Египетской экспедиции развивались отношения двух наиболее именитых в ее составе военачальников, то решение Бонапарта при отъезде во Францию оставить своим преемником Клебера выглядело бы вполне логично с точки зрения целесообразности: новым главнокомандующим должен был стать наиболее опытный и авторитетный из остающихся в Египте генералов. Однако подобный вывод был бы излишне поспешен. «Неизбежные в столь чрезвычайных обстоятельствах необычные ситуации», как определил их Клебер, действительно позволили ему лучше узнать Бонапарта, что обогатило их взаимоотношения множеством нюансов.

Поход начался для Клебера не лучшим образом. После высадки в ночь на 2 июля 1798 г. в бухте Марабу, что в 12 км от Александрии, Бонапарт повел его дивизию вместе с дивизиями Мену и Бона ускоренным маршем к городу, чтобы захватить тот, используя фактор внезапности. Тем не менее гарнизон и местные жители оказали нападавшим ожесточенное сопротивление с обветшалых и полуразрушенных крепостных стен. Французам же пришлось вести штурм без поддержки артиллерии, которую еще не выгрузили с кораблей. И все же город был захвачен, хотя и не без потерь: в частности, из строя выбыли два командира дивизий. Но если Мену оказался лишь контужен сброшенным на него камнем, то Клеберу пуля попала прямо в лоб. По счастью, она находилась на излете и кость не пробила. Однако следствием ранения стали жестокие головные боли.

Восточная армия 6–7 июля двинулась дальше, на Каир. Клебер же был оставлен в Александрии командовать округом и в последующем завоевании Египта участия не принимал. Впрочем, и на этом месте сидеть сложа руки не приходилось. В отличие от спокойной Розетты, где поправлял свое здоровье Мену, в Александрии Клеберу пришлось держать оборону по всем фронтам.

Больше всего забот ему доставлял «фронт» внутренний. Клебер добросовестно попытался наладить сотрудничество с местными жителями, как того требовал Бонапарт. Еще во время морского перехода личному составу армии было зачитано обращение главнокомандующего от 22 июня 1798 г., где говорилось о необходимости с уважением относиться к обычаям и верованиям жителей Египта для установления с ними взаимопонимания и добрых отношений:

> «Народы, с которыми вы будете жить, мусульмане. Первая заповедь их веры гласит: “Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его”. Не спорьте с ними. Поступайте с ними так, как мы поступали с евреями и с итальянцами. Уважайте их муфтиев и имамов так, как вы это делали по отношению к раввинам и к епископам. Проявляйте к церемониям, предписанным Кораном, и к мечетям ту же толерантность, что вы проявляли к религиям Моисея и Иисуса Христа. <…> Вы столкнетесь здесь с другими обычаями, чем в Европе, вам надо к ним привыкнуть. Эти народы иначе относятся к женщинам, чем мы, но во всех странах насильник считается чудовищем. Грабеж обогащает лишь немногих; он нас бесчестит; он уничтожает наши ресурсы; он превращает в наших врагов те народы, которые в наших интересах иметь друзьями»[67].

Клебер и сам следовал инструкции Бонапарта и того же требовал от подчиненных. Однако те в мусульманской стране продолжали вести себя так, как привыкли в Европе, где солдаты революционной армии относились к религиозным святыням подчеркнуто пренебрежительно и даже агрессивно. В своем ежедневном приказе от 10 июля Клебер отмечал:

---

[67] *La Jonquière C., de*. L’expédition d’Égypte. T. 2. P. 22.

> «Генералу доложили, что многие французы ходят испражняться возле мечетей или кладбищ. Поскольку это явно противоречит нашему обещанию относиться с уважением к религии мусульман, командиры не должны позволять подчиненным поступать подобным образом, а патрули обязаны следить за тем, чтобы такое больше не повторялось»[68].

Совершали французские солдаты в отношении местных жителей и другие «эксцессы в ночное время»[69]. Особенно отличались своими бесчинствами сходившие на берег матросы французской эскадры. «Они, – образно пояснял Клебер в письме от 11 июля командующему флотом адмиралу Ф. П. Брюейсу, – не довольствуются тем, что рвут плоды, но рубят дерево под самый корень»[70]. И действительно, повседневные практики французских военнослужащих уже с первых дней оккупации рубили под корень и без того чахлое древо их взаимопонимания с мусульманским населением.

Уже 13 июля гарнизон был поднят по тревоге из-за произошедших почти одновременно двух чрезвычайных происшествий: один из канониров флота получил в городе от местного жителя удар саблей по голове и восемь ударов стилетом, а другой француз – слуга офицера – кем-то был сброшен в море[71]. Чем именно они заслужили такую немилость мусульман, официально не сообщалось. Однако уже 14 июля в ежедневном приказе по гарнизону Клебер объявил, что впредь будут караться смертью те, кто вторгается в гаремы, проникает, как вор, через ограду в дома мусульман, охотится с огнестрельным оружием на голубей внутри города, мешает верующим молиться в мечетях и совершать омовение в банях[72]. Подобный перечень, составленный, скорее всего, на основе опыта первых двух недель пребывания французов в Александрии, дает наглядное представление о характере некоторых из совершавшихся ими ночных и дневных «эксцессов». 15 июля Клебер учредил военный трибунал, чтобы судить правонарушителей из числа своих подчиненных[73]. К концу августа по приговору этого трибунала один человек за преступление против местных жителей был расстрелян, восемь отправлены на галеры, что позволило, по словам Клебера, «привести в чувство» 69-ю полубригаду, составлявшую ядро гарнизона Александрии[74].

Личность горожанина, покушавшегося 13 июля на жизнь флотского канонира, была установлена, но наказать виновного не удалось, так как он скрылся. Суд, составленный из местных шейхов, постановил: за невозможностью применить к преступнику право талиона снести в течение двух дней дом, где проживает его семья. Клебер, стремясь не обострять отношений между горожанами и оккупационными войсками, заставил раненого канонира «попросить» о смягчении этого наказания и об отмене сноса дома. Впрочем, сообщая 19 июля Бонапарту о своем жесте доброй воли, Клебер не скрывал скептицизма:

> «Я тем не менее не стал бы ждать большого успеха от подобного акта милосердия. Эти люди воспринимают любое проявление мною к ним доброты как признак слабости. А с другой стороны, едва лишь я выказываю в отношении их хотя бы немного даже не строгости, но твердости, они уже у моих ног. Они согнутся еще ниже, генерал, когда узнают, что вы вступили

---

[68] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 114–115.

[69] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 9 июля 1798 г. – Ibid. P. 111.

[70] Ibid. P. 115.

[71] Ibid. P. 119–120.

[72] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 124.

[73] Ibid. P. 127–128.

[74] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 23 августа 1798 г. – Ibid. P. 253.

> в Каир. До тех же пор, пока они все время колеблются между страхом и надеждой, я не слишком полагаюсь на их клятвы»[75].

Внешний «фронт» для французского гарнизона в Александрии проходил одновременно и по суше, и по морю. С суши городу постоянно угрожали воинственные племена бедуинов, порою приближавшиеся к самым окраинам. Так, уже на другой день после ухода основных сил Бонапарта к Каиру они атаковали в окрестностях Александрии французский обоз и убили несколько солдат[76]. С моря же французам приходилось постоянно ждать нападения английского флота. Для отражения обеих угроз Клебер приказал построить укрепления на прилегающих к городу высотах.

Однако людей для проведения земляных работ не хватало, поскольку на относительно небольшой – чуть более 1000 чел. – гарнизон возлагалась также караульная служба в городе и поддержание контроля над провинцией посредством мобильных колонн. Пришлось привлечь местных рабочих. Их Клеберу доставил шариф[77] аль-Кораим, ранее присягнувший французам и поставленный Бонапартом во главе гражданской администрации Александрии[78]. Платить землекопам согласно совету Кораима стали по самым высоким расценкам, чтобы тем самым снискать симпатии египтян. В результате находившиеся в распоряжении Клебера скромные финансовые ресурсы начали быстро таять.

Деньги требовались и для формирования нового подразделения – Мальтийского легиона, куда вошли приехавшие в Египет вместе с французами бывшие рыцари и подданные Мальтийского ордена[79]. Кроме того, надо было платить жалованье солдатам и финансировать постройку лазарета из-за угрозы чумы, свирепствовавшей в других провинциях Османской империи[80]. В конечном счете не прошло и месяца после захвата Александрии, как Клебер столкнулся с острым дефицитом финансов. Отныне эта тема практически не сходила со страниц его официальной переписки.

На какое-то время Клеберу удалось смягчить финансовую проблему, обложив мусульманскую часть населения Александрии чрезвычайной контрибуцией в 100 тыс. ливров. В принципе подобный шаг представлял собою отступление от инструкции Бонапарта, однако Клебер, относившийся к местным элитам, как мы видели, с большим недоверием и без малейшей симпатии, воспользовался в сугубо прагматических целях подвернувшимся ему благоприятным предлогом. Таковым оказался арест шарифа Кораима по обвинению в измене. В первые недели своего пребывания в Александрии Клебер постоянно упоминал шарифа в донесениях Бонапарту как своего главного сподвижника в управлении городом. Но при этом имя Кораима всякий раз оказывалось связано с различного рода неудачами. Арабские курьеры, отправленные шарифом с донесениями Клебера главнокомандующему, вернулись, так и не найдя Бонапарта. Арестовать человека, ранившего канонира, шариф вовремя не сумел и позволил ему скрыться. Двинувшаяся к Даманхуру мобильная колонна встретила организованное сопротивление со стороны объединенных сил местных жителей и бедуинов, явно оповещенных заранее об операции и успевших подготовиться к приходу французов. Более того, слух о том, что колонна попала в засаду и якобы полностью истреблена, был запущен в Александрии еще за день до стычки. Эти и другие факты побудили Клебера заподозрить шарифа в двойной игре. Да и алек-

---

[75] Ibid. P. 141–142.

[76] Ibid. P. 108, 113.

[77] Шариф (шериф) – потомок пророка Мухаммеда.

[78] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 9 июля 1798 г. – Ibid. P. 109–110.

[79] Ж. Б. Клебер – Ж. Мену, 14 июля 1798 г. – Ibid. P. 126–127.

[80] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 12 июля 1798 г. – Ibid. P. 117.

сандрийский патриарх предупредил французского командующего об измене в его ближайшем окружении[81].

В результате 19 июля Клебер приказал арестовать Кораима и отправить его на военный корабль, а затем – в Каир, чтобы Бонапарт сам решил его судьбу. Забегая вперед, отмечу, что судьба эта оказалась незавидной. Дальнейшее расследование подтвердило, что шариф поддерживал связь с Мурад-беем, одним из двух мамлюкских правителей Египта (вторым был Ибрагим-бей), и организовал в городе антифранцузский заговор, за что в конечном счете и поплатился жизнью. Клебер же, нейтрализовав главного и наиболее авторитетного защитника мусульман в Александрии, воспользовался благоприятной ситуацией для пополнения армейской казны и обложил их упомянутой контрибуцией[82].

Впрочем, даже поступление такой суммы могло лишь ненадолго ослабить, но отнюдь не устранить нехватку средств. 1 августа Клебер жаловался в письме к Мену:

> «У вас положение трудное, но ему еще очень далеко до моего. Вы обретаетесь среди изобилия провизии, которую надо лишь реквизировать, я же нахожусь среди песков. Всё надо везти сюда извне, для чего нужна обстановка доверия и возможность получить выгоду, а потому за всё тут приходится платить наличными. Главнокомандующий потребовал тратить 78 000 ливров в месяц на флот, артиллерию и инженерные войска, не считая продовольственных припасов для того же самого флота и сухопутных частей, не считая также жалованья для солдат, которые уже в течение четырех месяцев не получали ни су, и на всё это мне оставили в кассе 60 000 ливров. <…> Из всех способов управления нет ничего хуже такого, когда вам приказывают производить расходы, не указывая четко и определенно, каким образом изыскивать для них средства»[83].

Между тем ситуация еще больше осложнилась после того, как 1 августа 1798 г. английская эскадра адмирала Г. Нельсона стремительно атаковала и в многочасовом бою разгромила французский флот, стоявший на якорях у Абукира. Поскольку нападение оказалось неожиданным, несколько тысяч французских моряков так и не успели вернуться на свои корабли с берега, а после сражения им оказалось уже некуда возвращаться. Еще несколько тысяч моряков, взятых в плен во время сражения, вернули англичане: им было нечем их кормить. Вся эта дезорганизованная масса заполнила Александрию, губительно влияя на состояние воинской дисциплины и создавая дополнительную нагрузку на армейскую казну. Чтобы навести порядок и найти всем этим людям полезное применение, Клебер приступил к объединению их в морской легион[84]. На это тоже потребовались дополнительные средства.

Однако хуже всего было то, что отсутствовала какая-либо связь с главнокомандующим. Мену время от времени передавал Клеберу отрывочные известия о действиях основных сил армии, приходившие в Розетту по Нилу. До Александрии же не доходило ничего. Некоторые из отправленных Клебером депеш попали, как он узнал, в руки бедуинов, остальные, возможно, и достигли адресата, но ответа ни на одну из них не пришло. В очередном послании Бонапарту, от 11 августа, Клебер сетовал:

> «Я испытываю, гражданин генерал, за ваше здоровье и само ваше существование большое беспокойство. И оно разделяется многими. Как могло такое случиться, что за 35 дней я не получил от вас ни слова? Половина моих

[81] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 17 июля 1798 г. – Ibid. P. 133.

[82] Документы по «делу Кораима» см.: Ibid. P. 122–123, 143–149.

[83] Ibid. P. 170–171.

[84] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 10, 20 и 22 августа 1798 г. – Ibid. P. 193, 234, 246–247.

> писем, без сомнения, потерялась, но хотя бы часть-то из них вы получили. Заклинаю вас, подайте мне хоть какие-то признаки жизни, а если возможно, приезжайте сюда сами. Уверен, ваше присутствие здесь крайне необходимо. В армии ходят разные слухи, с которыми я пытаюсь бороться, но которые не могут не производить на людей впечатления»[85].

Первое из писем Бонапарта дошло до Александрии лишь 15 августа. Сообщив главнокомандующему об этом радостном известии, Клебер тут же вновь обратился к наиболее болезненной из стоявших перед ним проблем – проблеме финансов:

> «Необходимо, гражданин генерал, 300 тыс. ливров ежемесячно для содержания всех служб и выплаты гарнизону жалованья, с чем уже имеются серьезные задержки. Ведь здесь всё еще только предстоит сделать, а ничего не делается бесплатно. Сообщение с городом прервано и по суше, и по морю, из-за чего торговля находится в величайшем застое, и таможня, единственный источник наших поступлений, ничего не дает. Придите же к нам на выручку, гражданин генерал»[86].

Пять дней спустя, 20 августа, Клебер повторяет эту просьбу: «Совершенно необходимо, гражданин генерал, чтобы вы оказали нам помощь суммой денег, достаточной для оплаты всех тех служб, которые вы от нас требуете»[87].

По мере установления более или менее надежного сообщения по суше между Александрией и Каиром, куда войска Бонапарта вступили 22 июля, письма от главнокомандующего стали поступать более регулярно, однако они, похоже, не слишком обрадовали Клебера. Во всяком случае уже в его ответе от 23 августа на послание Бонапарта заметна некоторая напряженность:

> «Вы были бы несправедливы, гражданин генерал, если бы приняли ту горячность, с которой я перечисляю наши нужды, за признак слабости или упадка духа. Я вам уже сообщал, что произошедшее 14-го [термидора, или 1 августа; имеется в виду гибель французской эскадры. – *А. Ч.*] вызвало у солдат лишь гнев и жажду мести. Что касается меня, то мне вообще не важно, где я должен жить и где я должен умереть, поскольку я живу ради славы нашего оружия и умру так же, как и жил. Рассчитывайте при любом ходе событий на меня и на тех, кого вы поставили под мое начало»[88].

По всей видимости, в каком-то из писем главнокомандующего Клебер разглядел обидный для себя намек на якобы проявляемое им малодушие, что и вызвало с его стороны столь велеречивую реплику. Я не вижу иного объяснения для такой, обычно не свойственной Клеберу, высокопарности в сугубо деловой переписке. Тем более, как мы далее увидим, он обычно переходил на возвышенный тон именно под влиянием обиды. Правда, ни одно из сохранившихся посланий Бонапарта того времени вроде бы не дает оснований для такой реакции, но совсем не факт, что до нас дошли все подобные документы.

Впрочем, и те, что дошли, показывают, что напряжение между двумя корреспондентами не только существовало, но и постепенно нарастало. Получив процитированное мною выше письмо Клебера от 11 августа, где тот интересовался, не заболел ли часом Бонапарт, раз не пишет столько дней, последний не без сарказма ответил: «Я благодарю вас, гражданин генерал, за проявленную вами заботу о моем здоровье. Оно, могу вас заверить, никогда не бывало

---

[85] Ibid. P. 195.

[86] Ibid. P. 210.

[87] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 232.

[88] Ibid. P. 249.

лучше». А всего через несколько абзацев, опять вернувшись к теме здоровья, на сей раз уже своего визави, Бонапарт в ответ на просьбу разрешить Клеберу вернуться в свою дивизию не слишком деликатно замечает: «Вы понимаете, что ваше присутствие всё еще необходимо на том посту, который вы сейчас занимаете. Как видите, полученная вами рана обернулась для армии благом»[89].

Больше всего Бонапарта раздражала та самостоятельность, которую командующий округом Александрии проявлял в финансовых вопросах, изыскивая всё новые способы решения стоявших перед ним проблем. От письма к письму тон Бонапарта становится всё более жестким: «Я не одобряю, гражданин генерал, принятой вами меры по удержанию у себя 15 000 ливров, отправленных мною генералу [sic!] Гантому. Я прошу вас, если он еще в Александрии, вернуть их ему»[90]. Контр-адмирал Оноре Жозеф Антуан Гантом командовал тем, что после сражения при Абукире осталось от французской эскадры. Разумеется, Клеберу на месте было гораздо виднее, чем Бонапарту из Каира, как лучше использовать имевшиеся скудные средства для покрытия наиболее острых на текущий момент потребностей войск, но Бонапарт не желал терпеть проявления излишней, на его взгляд, самостоятельности подчиненных. Тем более если это касалось военачальника, существенно превосходившего его по возрасту, времени производства в чин и боевому опыту. Роль генерала Лешеля, лишь сугубо номинально осуществлявшего в Вандее руководство Клебером, Бонапарта явно не привлекала. Однако и Клебер был готов выносить нажим со стороны молодого главнокомандующего только до определенной степени, а далее мог последовать взрыв. И взрыв последовал. Детонатором к нему стало письмо Бонапарта от 1 сентября:

> «Гражданин Ле Руа[91] мне сообщил, что все мои распоряжения относительно флота оказались невыполнимы из-за вашего решения использовать отправленные ему мною 100 000 франков на другие цели. Вы должны после получения этого приказа немедленно вернуть 100 000 франков флоту и больше никогда не противодействовать сделанным мною распоряжениям, поскольку они определяются мотивами, о которых вы, не находясь в центре, не можете знать.
>
> Администрация Александрии потребляет в два раза больше средств, чем вся остальная армия. Госпитали, в которых у вас не более 1000 больных, стоили и стоят намного больше, чем все госпитали армии.
>
> Не думаю, что в каком-либо из разнообразных приказов, которые я вам отдал, вам было дозволено самому решать, брать или нет контрибуцию под видом займа с купцов Александрии. Поэтому, если вы задержали ее взимание, я попросил бы вас немедленно принять меры для возобновления ее сбора. Какие бы неудобства это ни вызывало, у нас в настоящий момент нет другого способа существования»[92].

В подобном тоне разговаривать с Клебером не позволял себе никто, тем более молодой человек, почти годившийся ему в сыновья. И реакция не замедлила последовать:

> «Я только что получил ваше письмо от 15-го [фрюктидора, или 1 сентября].
>
> Мне надо было ожидать вашего недовольства из-за 100 000 ливров, которые предназначались флоту и которые я употребил для оплаты иных

[89] *Bonaparte N.* Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. Paris, 2005. T. 2. P. 279.

[90] Н. Бонапарт – Ж. Б. Клеберу, 30 августа 1798 г. – Ibid. P. 363.

[91] Жан-Жак Себастьян Ле Руа был главным казначеем флота.

[92] *Bonaparte N.* Correspondance générale. T. 2. P. 371.

> служб, хотя я и находился тогда в крайне затруднительном положении, что, возможно, должно мне послужить оправданием. Однако я не думал, что заслужу упрека за управление финансами. Если это правда, гражданин генерал, что Александрия расходует средств вдвое больше остальной армии, оставляя за скобками взимаемые в других местах реквизиции, которые здесь никогда не проводились, и те средства, которые здесь постоянно приходится выделять инженерным войскам, артиллерии и флоту, то было бы правомерно сделать вывод, что тут имеет место постыдное расточительство.
>
> Вследствие этого главный казначей армии обязан строго расследовать деятельность здешнего комиссара и лишить его всякого доверия, пока тот не оправдается. И мои собственные действия должны быть проверены, чего я официально требую.
>
> Вы, гражданин генерал, когда составляли это письмо, забыли, что вы высекаете в скрижалях истории[93] и что вы пишите Клеберу. Не допускаю, однако, что вы имели при этом какую-либо заднюю мысль, ибо вам бы не поверили.
>
> Я жду, гражданин генерал, возвращения этого курьера с приказом мне сложить полномочия не только в Александрии, но и в армии вообще до тех пор, пока вы не будете лучше осведомлены о том, что здесь происходило и происходит. Я приехал в Египет отнюдь не для того, чтобы сделать себе состояние. Я везде гнушался этим. Но я никогда не позволял и впредь не позволю питать в отношении меня какие-либо подозрения»[94].

Бонапарт неожиданно оказался перед угрозой потери самого опытного из своих генералов. За желанием Клебера сложить временно свои полномочия вполне могло последовать и прошение об окончательной отставке. Хотя Восточная армия находилась за тысячи километров от Франции и была отрезана от метрополии английским флотом, практика ухода в отставку старших офицеров и чиновников там действовала точно так же, как и во всех остальных армиях Республики. Для получения отставки и разрешения вернуться на родину требовалось лишь представить весомый аргумент, каковым, к примеру, могло стать плачевное состояние здоровья. Именно под таким предлогом, сложив свои полномочия, уехали во Францию главный казначей армии С. А. Ф. Сюси де Клисон, командующий кавалерией генерал Т. А. Дюма (отец автора «Трех мушкетеров») и еще целый ряд других участников экспедиции.

Несмотря на то что путь во Францию был сопряжен с риском попасть в плен к неприятелю, число желающих покинуть негостеприимный Египет не уменьшалось, и Бонапарту 9 декабря 1798 г. даже придется специальным приказом приструнить врачей армии, чтобы они впредь не проявляли чрезмерную, по его мнению, снисходительность при выдаче справок о состоянии здоровья[95]. Клеберу же после его ранения в голову получить такое разрешение и вовсе не составило бы труда. Однако Бонапарту он был крайне необходим в армии, причем не только как опытный командир, но и как человек, имевший непререкаемый авторитет у солдат и офицеров, ранее служивших в Германской армии (она появилась в 1797 г. после слияния Самбро-Маасской и Рейнско-Мозельской армий). Эти соратники Клебера по кампаниям 1794–1796 гг. составляли примерно половину Восточной армии. Они, в отличие от солдат, ранее воевавших в Италии и составлявших вторую половину Восточной армии, не знали Бонапарта

---

[93] Дословно «держите в руке резец истории» (vous teniez en main le burin de l'histoire) – принятое в то время выражение, которое употребляли, желая подчеркнуть историческую значимость происходящего. Подробнее см.: Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 302, note 247.

[94] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 7 сентября 1798 г. – Ibid. P. 300–302.

[95] Подробнее см.: *Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. P. 231.

до Египетской экспедиции и особого пиетета к нему не испытывали. Отставка же и отъезд Клебера, которого они любили и которому доверяли, бесспорно, произвели бы на них деморализующее воздействие. Прекрасно понимая это, Бонапарт резко сдал назад:

> «Я только что, гражданин генерал, получил ваши письма от 19-го, 20-го и 21-го [фрюктидора, или 5, 6 и 7 сентября] и с огорчением увидел, что вы придали моему письму от 15-го [фрюктидора, или 1 сентября] тот смысл, которого в нем не было и быть не могло. Если я высекаю в скрижалях истории, то у вас есть меньше, чем у кого бы то ни было, оснований об этом сожалеть»[96].

Но те слова, что молодому и самоуверенному главнокомандующему не следовало произносить, уже были произнесены. В отношениях между двумя генералами пробежала трещина. И 17 сентября Клебер, ссылаясь на проблемы со здоровьем, опять просит освободить его от должности и отпустить… пока только в Розетту:

> «Похоже, гражданин генерал, я плохо соответствую вашим намерениям относительно гражданского и военного управления Александрией. Все эти промахи и оплошности, которые вы, очевидно, ставите мне в вину, я связываю с состоянием своего здоровья. Рана моя действительно совершенно зарубцевалась, но головные боли не проходят, и вызываемые ими жестокие страдания часто заставляют меня запираться в комнате. Мне прописан режим, я его соблюдаю, но состояние мое не улучшается.
>
> Вследствие этого прошу вас, гражданин генерал, разрешить мне не ехать в мою дивизию, раз вы не считаете это нужным, а немного отдохнуть и сменить обстановку в Розетте. Мне это кажется совершенно необходимым.
>
> Гражданин Дюбуа[97], который, как вы найдете, весьма изменился, сообщит вам на сей счет все подробности, что, без сомнения, убедит вас согласиться с моей просьбой. Я вновь приму командование над Александрией, как только почувствую себя лучше или в случае какой-либо угрозы городу»[98].

Не дожидаясь ответа Бонапарта, Клебер два дня спустя, 19 сентября, ставит его перед фактом, слагая с себя полномочия командующего округом:

> «Я только что, гражданин генерал, передал командование над Александрией генералу Манкуру[99]; мое здоровье в настоящий момент не позволяет мне этим заниматься. <…> Позвольте мне, гражданин генерал, настаивать на своей просьбе об отъезде в Розетту, чтобы там немного отдохнуть и сменить обстановку. Мне крайне необходимо то и другое»[100].

Еще через три дня, 22 сентября, опять не дожидаясь ответа на предыдущее послание, Клебер поднимает ставки всё выше и привлекает к разрешению спора с главнокомандующим генерала Каффарелли, через которого он в свое время и получил приглашение Бонапарта принять участие в Египетском походе:

> «Вы поручили генералу Каффарелли, гражданин генерал, сделать мне предложение сопровождать вас в дальней экспедиции. Ваше имя, ваша слава и моя признательность вам за то доброе мнение, которое вы, не будучи

---

[96] Н. Бонапарт – Ж. Б. Клеберу, 12 сентября 1798 г. – *Bonaparte N.* Correspondance générale. T. 2. P. 415.

[97] Антуан Дюбуа – военный хирург.

[98] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 327–328.

[99] Жан-Батист Феликс Манкур де Розуа, бригадный генерал, комендант Александрии. В марте 1799 г. отправлен Бонапартом во Францию из-за профессиональной непригодности.

[100] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 339, 341.

> со мной знакомы, обо мне составили и высказывали, побудили меня дать согласие, не колеблясь ни минуты. Сегодня состояние моего здоровья и страдания, причиняемые мне последствиями ранения, не позволяют мне больше сопутствовать вам в вашей блистательной карьере, и я точно так же обращаюсь к генералу Каффарелли, чтобы получить ваше согласие на мое возвращение во Францию. Примите, гражданин генерал, благосклонно то, что он скажет вам на сей счет»[101].

Возможно, тогда же Клебер написал Каффарелли и те слова, которые дошли до нас в переложении Рене Николя Дюфриш Деженетта, главного врача Восточной армии:

> «В Египте я иду не в ногу. Я не умею ходить так, как это понравилось бы главнокомандующему, а его рука недостаточно сильна, чтобы заставить меня идти иначе. Когда два таких человека, как он и я, не могут найти между собой общего языка, им лучше мирно расстаться»[102].

Понимая, что еще немного – и он потеряет Клебера безвозвратно, Бонапарт поспешил пригласить эльзасца в Каир, чтобы лично или с помощью Каффарелли убедить его сменить гнев на милость:

> «Генерал Каффарелли передал мне, гражданин генерал, ваше пожелание. Я крайне огорчен вашим нездоровьем. Надеюсь, вам станет лучше от воздуха Нила, и, покинув пески Александрии, вы, быть может, найдете наш Египет не таким уж плохим, каким он мог показаться сначала. <… > Я, поверьте, желаю вашего скорейшего восстановления и высоко ценю ваше уважение и вашу дружбу. Боюсь, что мы немного повздорили, но вы проявите несправедливость, решив, что я из-за этого не страдаю. Над землей Египта облака если и появляются, то рассеиваются в течение шести часов. С моей стороны, если они имели место быть, то рассеялись и вовсе за три. Уважение, которое я к вам питаю, не уступает тому, что вы мне когда-то засвидетельствовали»[103].

Александрийская «ссылка», как однажды Клебер назвал свое пребывание в этом городе[104], завершилась. По приглашению главнокомандующего он 18 октября[105] отправился в Каир, еще не догадываясь, что главные испытания для его отношений с Бонапартом ждут впереди.

---

[101] Ibid. P. 341–342.

[102] Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Égypte. Paris, 1893. P. 30.

[103] Н. Бонапарт – Ж. Б. Клеберу, 4 октября 1798 г. – *Bonaparte N.* Correspondance générale. T. 2. P. 504.

[104] Ж. Б. Клебер – Н. Бонапарту, 12 июля 1798 г. – Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 118.

[105] *Kléber J. B.* Carnet d'Égypte // L'etat-major de Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1997. P. 3.

Сирия

Дорога из Александрии заняла у Клебера три дня, и 21 октября в 23 часа он приехал в Булак, пригород Каира, где узнал, что столица охвачена бунтом[106]. Это было Первое Каирское восстание, спровоцированное известиями о том, что Османская империя в ответ на захват Бонапартом Египта объявила Франции войну и что султан призвал мусульман к джихаду. Утром следующего дня Клебер прибыл собственно в Каир, где стал свидетелем завершающей стадии действий французских войск против мятежников. К вечеру 22-го восстание полностью подавили. Очевидно, что в столь чрезвычайных обстоятельствах выяснять отношения с главнокомандующим Клеберу оказалось неуместно.

В последующие же недели у них едва ли имелось много возможностей для общения, поскольку Бонапарт действительно дал Клеберу время познакомиться с «другим» Египтом, отличным от тесной и пыльной Александрии, и в последующие недели ничем его не загружал. «Не имея никаких дел в Каире, я занимался украшением дома и сада, а также закончил первую книгу своих мемуаров о Вандее»[107], – пометил Клебер в записной книжке.

В декабре 1798 г. французы перехватили письмо великого визиря Османской империи Юсуф-паши к предводителям мамлюков Ибрагим-бею и Мурад-бею, первый из которых стоял со своими войсками на сирийско-египетской границе, а второй в Верхнем Египте вел маневренную войну против дивизии генерала Дезе. Из этого письма командование Восточной армии узнало о подготовке комбинированного наступления турок на Египет – со стороны Сирии по суше в сочетании с высадкой десанта на Средиземноморском побережье. Бонапарт принял решение разбить как можно скорее турецкие силы в Сирии, чтобы успеть вернуть войска в Египет до наступления сезона, благоприятного для высадки десанта. Встал вопрос о том, кому доверить командование Сирийской экспедицией.

Процитирую записную книжку Клебера, где он делал пометки для будущих мемуаров о Египетском походе (так никогда и не написанных):

> «Утром 2 нивоза [22 декабря] Каффарелли заглянул ко мне и сказал:
>
> – Я пришел к вам узнать, не будет ли вам угодно возглавить экспедицию в Сирию?
>
> – Думаю, командование ею должно принадлежать мне по праву, если главнокомандующий не решит сам возглавить ее. Но будет он руководить или нет, меня вполне устроило бы участвовать в ней.
>
> – Я скажу об этом главнокомандующему, который не знает, позволяет ли вам здоровье действовать. Однако выступать надо не мешкая.
>
> – Я готов.
>
> – Идите тогда к генералу и поговорите с ним. – Я зайду к нему этим вечером, и т. д.
>
> Я пришел на ужин к главнокомандующему, который готовился на следующий день отъезжать в Суэц. Меня очень удивило его предложение поехать с ним:
>
> – Но Каффарелли этим утром говорил мне о моем предстоящем отъезде в Дамьетту и Катию…
>
> – У нас будет достаточно времени после возвращения.
>
> Я приготовился ехать в Суэц, но подумал, что мне здесь еще надо уладить дела до отбытия на кампанию, и на другой день попросил позволить мне

[106] Ibid.

[107] Ibid.

> остаться в Каире до его возвращения. Он согласился и доверил мне общее командование, пока он не приедет»[108].

Как видим, Бонапарт, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, сделал Клеберу предложение, от которого тот с его одержимостью идеей служения во славу французского оружия не мог отказаться. Действительно, что может быть более славным, чем возглавить поход в Святую землю?! В результате, чтобы получить командование экспедицией, Клеберу пришлось снять с повестки дня вопрос о своем нездоровье и о возвращении из-за него во Францию. И тогда хитрый корсиканец, добившись своего, несколько дней спустя объявил, что сам возглавит Сирийскую экспедицию. На сей счет Клебер пометил в записной книжке:

> «Заговорили о походе в Сирию и стали готовиться к нему. Все полагали, что командовать им буду я. Это, возможно, уже был вопрос решенный. Но Бонапарт, который что-то доверяет кому-либо только тогда, когда обстоятельства не позволяют ему сделать это лично, решил, в конце концов, что будет командовать сам»[109].

Клеберу предстояло принять участие в походе только в качестве командира дивизии. 21 января 1799 г. он отправился по Нилу в Дамьетту, где размещались его войска, и прибыл туда 23-го[110].

Из-за кратчайшего – от силы месяц! – времени, отведенного на подготовку кампании, создать необходимые для ее ведения запасы продовольствия и фуража не удалось, что придавало экспедиции крайне рискованный характер. Французам приходилось рассчитывать только на то, что всё им необходимое они отобьют у неприятеля. Не хватало также вьючных животных для транспортировки припасов и снаряжения.

Авантюризм главнокомандующего, проявленный при организации похода в Сирию, крайне возмущал Клебера. Мемуары Шарля Антуана Морана, прошедшего в Восточной армии путь от подполковника до бригадного генерала, содержат выразительное описание реакции Клебера на приказ Бонапарта выступать к сирийской границе:

> «20-го [плювиоза, или 8 февраля] Клебер получил депешу от главнокомандующего. После того как он ее прочел, никто не сомневался, что на него она произвела плохое впечатление. Он долго молчал и вдруг взорвался, бурно высказав свое возмущение дурными приказами главнокомандующего. У тех десяти тысяч людей, которым предстояло пересечь пустыню, не было продовольствия. Клебер прекрасно знал об этом и резко осуждал главнокомандующего за то, что тот, по всей видимости, надеялся на удачу»[111].

Ценность свидетельства Морана несколько снижается тем, что сцену эту он пересказывает с чужих слов, так как сам в тот момент находился в Верхнем Египте, гоняясь вместе с дивизией Дезе за неуловимым Мурад-беем. И всё же суть ситуации изложена достаточно точно, о чем мы можем судить по свидетельствам людей из ближайшего окружения Клебера и по его собственным заметкам в записной книжке. Друг и сподвижник Клебера по всем его кампаниям, включая Египетскую, генерал Дама также весьма скептически отзывался о качестве подготовки Сирийской экспедиции:

> «Мне казалось, что экспедиция, осуществляемая в такой спешке, должна столкнуться с множеством проблем. Прежде всего, для нее не подготовили

---

[108] Ibid. P. 3–4.

[109] Ibid. P. 3.

[110] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 4. P. 100, note 2; 117.

[111] *Morand Ch*. Notes sur les Opérations de général Kléber // L'etat-major de Kléber en Égypte 1798–1800. P. 56.

> достаточно продовольственных припасов. Хотя с момента объявления о ней началась работа в этом направлении, но слишком поздно. Склады в Салихии и Катии не были обеспечены ни провиантом, ни снаряжением; организационные мероприятия не были завершены»[112].

Возмущение Клебера авантюрной организацией Сирийской экспедиции нашло отражение на страницах его записной книжки, где по ходу кампании он весьма резко высказывался о делах и личных качествах Бонапарта:

> «Есть люди, о которых нельзя судить по достигаемым ими результатам. Они потеряют всё, если только взглянуть на средства, использованные ими для достижения этого. Б[онапарт] из их числа. <…>
>
> Он не умеет ни организовывать, ни администрировать и тем не менее хочет заниматься всем. Он организует и администрирует, а отсюда беспорядок, всевозможное разбазаривание ресурсов, абсолютная бедность, вся эта нищета даже посреди изобилия.
>
> Никогда нет твердого плана, всё делается рывками и скачками, всё лишь на один день. Он заявляет, что верит в судьбу. <…>
>
> В чем состоит его главное качество, ведь, в конце концов, он человек необычный? – в том, чтобы дерзать снова и снова, и в этом искусстве он уходит за пределы разумного»[113].

Дивизия Клебера 3 февраля отправилась из Дамьетты водным путем к форту Катия, где уже располагались части генерала Рейнье. Этим двум дивизиям предстояло стать авангардом того 13-тысячно-го корпуса, который Бонапарт собрался вести в Сирию. 6 февраля в тот самый день, когда Клебер прибыл в Катию, дивизия Рейнье выступила из нее по направлению к форту Эль-Ариш на сирийско-египетской границе. Сирийский поход начался.

У Эль-Ариша Рейнье обнаружил превосходящие силы турок и мамлюков, занявших оборону не только в самом форте, но и в примыкавшей к нему хорошо укрепленной деревне. 9 февраля французы в ожесточенном бою штурмом взяли деревню. Основные силы неприятеля отступили, встав лагерем в дефиле на дороге к городу Газа. Форт продолжал удерживаться турецким гарнизоном. 13 февраля подошла дивизия Клебера. Она блокировала форт и развязала Рейнье руки для наступления по дороге к Газе. В ночь на 15 февраля части Рейнье обошли вражеский лагерь с тыла и стремительной атакой разгромили турок и мамлюков. Французы захватили запасы провианта и фуража на несколько дней, что оказалось весьма кстати, так как солдаты из-за отсутствия снабжения уже ели, по свидетельству Дама, мясо убитых лошадей и верблюдов прямо на поле боя[114]. После прибытия 17 февраля к Эль-Аришу самого главнокомандующего с основными силами армии началась собственно осада форта, завершившаяся 20 февраля его капитуляцией.

21 февраля французские войска двинулись к Газе, которую заняли три дня спустя. Захваченные в городе запасы провианта сделали возможным продолжение похода на север. 3 марта армия Бонапарта осадила Яффу. Шедшая в авангарде дивизия Клебера прикрывала с севера и востока части, осаждавшие город, и не участвовала 7 марта в штурме, завершившемся массовой резней населения и убийством по приказу Бонапарта двух с половиной тысяч пленных.

Найденные в Яффе (а затем и в Хайфе) огромные запасы продовольствия позволили решить проблему снабжения армии практически до конца кампании. Если верить Морану,

---

[112] Journal de Damas // *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 4. P. 118.

[113] *Kléber J. B*. Carnet d'Égypte. P. 7–8.

[114] См.: *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 4. P. 169.

Клебер, узнав об этом, воскликнул: «И снова вмешательство судьбы (coup du sort)!»[115] Казалось, затеянная Бонапартом рискованная игра с фортуной вполне оправдывает себя. Подгоняемая угрозой голода, французская армия стремительно продвигалась вперед, захватывая у противника всё то, что позволяло ей идти еще дальше. Однако впереди ее ждала Акра, на подступы которой армия Бонапарта вышла 19 марта.

Город Акра (ныне – Акко) являлся резиденцией Ахмад-паши, могущественного губернатора эялетов[116] Сидон и Дамаск, получившего за свою жестокость прозвище аль-Джаззар (Мясник). Он восстановил и усилил бывшую крепость крестоносцев Сен-Жан д'Акр, доверив ее оборону сильному гарнизону из магрибских наемников.

Французские войска приступили к осаде. Бонапарт был уверен в том, что взять Акру не составит труда и она также не выдержит первого штурма, как ранее Яффа. Он постоянно торопил с завершением необходимых для подготовки к штурму земляных работ, из-за чего они во многих местах велись в спешке и крайне небрежно. Для этого периода мы не имеем возможности узнать из первых рук мнение Клебера о происходившем, так как переписку в те дни он ни с кем не вел, а с главнокомандующим и другими старшими офицерами решал все вопросы устно. Однако современники событий свидетельствуют, что он открыто выражал недовольство тем, как ведется подготовка к штурму. Л. А. Ф. Бурьенн, в то время секретарь Бонапарта, позднее вспоминал: «Клебер, прогуливаясь со мною по укрепленным линиям лагеря, часто выказывал свое удивление и недовольство. "Траншея мне по колено", – говорил он»[117]. Еще более красочно описывает – причем не в мемуарах, а в письмах того же времени – критику Клебером качества осадных работ под Акрой армейский портной Ф. Бернуайе, находившийся в тот момент в Каире: «Клебер сказал Бонапарту в присутствии нескольких свидетелей: "Генерал, если бы я не знал, что здесь командует Бонапарт, я бы подумал, что этими работами руководили дети!"»[118]. Ясно, что портной излагает эту историю с чужих слов – так, как ее из уст в уста передавали в армии.

Первый штурм крепости, который состоялся 28 марта, Бонапарт доверил дивизиям Клебера и Рейнье. Артиллерия сумела проделать брешь в стене, но брешь эта находилась значительно выше дна рва и была практически недосягаема. Тем не менее Бонапарт, горя нетерпением взять город, отдал приказ об атаке. Бросившиеся в ров с лестницами гренадеры и карабинеры не смогли под убийственным огнем со стен даже подобраться к бреши и вынуждены были отступить, понеся большие потери.

Имеющиеся у нас источники не содержат сведений от непосредственных очевидцев относительно реакции Клебера на то, что случилось в тот день, и мы можем судить о ней только по более поздним свидетельствам. Однако, учитывая его ранее копившееся раздражение против авантюризма главнокомандующего и то, что теперь погибли именно его, Клебера, люди, едва ли он воспринял эти события с философским спокойствием. Во всяком случае до Морана происшедшее дошло в такой версии: «Генерал Клебер, которому, по слухам, пришлось командовать штурмом, выглядел крайне рассерженным той инструкцией, которая определила все диспозиции. С этого момента многие заметили, что он стал уже не столь усерден в стремлении завоевать славу покорителя этого города»[119]. А вот какую историю, связанную с первым штурмом Акры, услышал от сослуживцев по Восточной армии и пересказал в своих мемуарах маршал Мармон, в тот момент еще только генерал и комендант Александрии:

---

[115] *Morand Ch.* Notes sur les Opérations de général Kléber. P. 58.

[116] Эялет – административно-территориальная единица в Османской империи.

[117] Цит. по: *La Jonquière C., de.* L'expédition d'Égypte. T. 4. P. 336.

[118] *Bernoyer F.* Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800: 19 lettres inédites. Port-Laval, 1981. P. 163–164.

[119] *Morand Ch.* Notes sur les Opérations de général Kléber. P. 59.

> «Я упоминал об армейских льстецах в связи с первым штурмом Акры. Это дает мне повод повторить остроумное высказывание Клебера, в той ситуации преподавшего с изяществом и скромностью урок главнокомандующему, которым тот не воспользовался. Генерал Бонапарт ждал одобрения своему отданному в нетерпении приказу начинать штурм. Так называемая брешь представляла собою дыру диаметром в несколько футов, которая была проделана в стене, не прикрытой траншеей. Однако дыра эта не доходила до земли, и от дна рва ее отделяли еще шесть футов стены. Люди, которые отправляли других на штурм, но сами не должны были в нем участвовать, знали ситуацию весьма поверхностно и повторяли вслед за главнокомандующим: “Конечно же, брешь проходима”. Там же присутствовал и Клебер; его молчание выглядело как неодобрение. Главнокомандующий спросил его мнение в надежде получить поддержку, но тот ответил: “Без сомнения, мой генерал, брешь проходима. Кошка сквозь нее вполне пройдет”»[120].

Дивизия Клебера вместе с дивизиями Бона и Ланна участвовала и во втором штурме – 1 апреля. Взрыв мины проделал новую брешь, но пройти сквозь нее под ураганным огнем так никому и не удалось, и атака опять захлебнулась.

9 апреля дивизию Клебера отправили в Галилею на подавление вспыхнувшего там антифранцузского движения. Прибыв на место, Клебер узнал и 13 апреля доложил Бонапарту о том, что из Дамаска на выручку Акре идет большая армия неприятеля. Утром 15 апреля он сообщил главнокомандующему, что намерен ее атаковать. Получив донесение, Бонапарт двинулся к нему на помощь с дивизией генерала Бона. Клебер планировал произвести ночную атаку на неприятельский лагерь у горы Фавор перед рассветом 16 апреля. Мусульмане в силу религиозных традиций предпочитали не воевать после захода солнца, а когда им навязывали такой бой, ночью обычно сражались хуже, чем днем. Однако из-за ошибки в оценке расстояния, отделявшего его от неприятеля, Клебер сумел выйти на рубеж атаки лишь с восходом солнца и был обнаружен дозорными противника. Его дивизия (около 2 тыс. чел.) оказалась окружена 35-тысяч-ной турецкой армией. Построившись в каре, солдаты Клебера в течение 11 часов отражали атаки неприятеля. Когда боеприпасы у них уже были на исходе, к месту сражения подоспел Бонапарт с дивизией Бона (2 тыс. чел.) и атаковал турок с тыла. Клебер тут же приказал и своим войскам наступать. Оказавшись между двух огней, неприятель обратился в бегство.

После совместно одержанной блестящей победы Бонапарт вернулся под стены Акры. Клебер остался наводить порядок в Галилее и не участвовал 24 апреля в очередном неудачном штурме крепости. Там же, в Галилее, он 27 апреля получил печальное известие о том, что от тяжелого ранения, полученного 18 днями ранее, скончался его друг генерал Каффарелли. «За всю свою жизнь, – отметил Клебер в своей записной книжке, – я не знал другого человека, кто бы мог с такой легкостью завоевывать привязанность окружающих, кого отличала бы такая же врожденная доброжелательность к себе подобным, кто питал бы более пылкую любовь ко всему великому, прекрасному, справедливому, кто испытывал бы большее отвращение к всевозможному злу»[121].

Два следующих штурма Акры – 1 и 8 мая – опять завершились неудачей и новыми потерями. Во втором из них был тяжело ранен командир дивизии генерал Ланн. В тот же день Клебер получил приказ отправить две полубригады своей дивизии к стенам Акры, оставив в

---

[120] Mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse de 1792 à 1841. Paris, 1857. T. 2. P. 21–22.

[121] *Kléber J. B.* Carnet d’Égypte. P. 16.

Галилее лишь одну. Самому же ему предоставили право выбирать, за какой из частей дивизии последовать. Клебер отправился к крепости, где его войскам отводилась главная роль в новом штурме города.

10 мая состоялся последний штурм Акры, и вновь французы были отброшены, понеся большой урон в живой силе. Смертельное ранение получил командир дивизии генерал Бон. Вечером того же дня Бонапарт принял решение снять осаду и начать подготовку к отступлению. В ночь на 21 мая французская армия, бросив бóльшую часть своей артиллерии и оставляя по пути десятки заболевших чумой, покатилась обратно в Египет. От окончательного уничтожения ее спасло только то, что Джаззар не отправился в погоню.

Подводя итог кампании, Клебер, потерявший под стенами Акры друзей и однополчан, не жалел в своей записной книжке горьких слов для автора авантюристического предприятия:

> «Он говорит, что берет на себя все ошибки, совершенные под Акрой. Избавиться от этого ему уже не удастся»[122].
>
> «Однажды Бонапарт со своей постыдной самоуверенностью рассуждал при мне о поворотах судьбы, которых ему следует ожидать, о том успехе, на который он надеется даже после катастрофического морского сражения при Абукире, и сказал такие слова: “Что касается меня, *который играет с историей*, то я более хладнокровно, чем кто-либо, могу просчитать исход событий”. Однако *играть с историей* для меня означает играть событиями, а играть событиями – это значит играть человеческими жизнями, судьбами общества и отдельных людей, счастьем и процветанием родины… Хотел ли наш герой, чтобы я услышал именно это? Не знаю. Я понял бы, если бы он мне сказал: “Я живу и действую только для того, чтобы оставить свое имя на страницах истории. Быть знаменитым – вот единственная цель, к которой я стремлюсь, все остальное для меня лишь жаргон, лишенный смысла”. Как бы то ни было, я был настолько поражен его наглостью, что на какой-то миг не смог скрыть своего возмущения, и он тут же сменил тон и выражения»[123].

Судя по свидетельствам современников – некоторые из них я привел выше, – Клебер поверял такие мысли не только своей записной книжке. А то, что сами эти люди в осаде Акры не участвовали, собственно и доказывает, что Клебер открыто выражал свое несогласие с Бонапартом, если слухи о том, пусть и в разных интерпретациях, доходили до людей, находившихся тогда в других местах. Процитирую еще одного участника Египетской экспедиции, инженера П. Д. Мартена, который так вспоминал о периоде осады Акры:

> «С этого времени в армии поднимается ропот. Бонапарта больше не считают непогрешимым человеком. Погибли генералы и лучшие солдаты. Все взоры теперь обращены лишь к одному – к Клеберу: он всегда осуждал поход в Сирию и уже с первого штурма понял, что Акру не возьмут никогда. Его способ воевать, бережно относясь к солдату, служил критикой способа Бонапарта, которого он называл “генерал десяти тысяч человек за неделю”. Вся армия говорила вслух, что если бы Клебер был главнокомандующим, то Акру давно бы уже взяли. Отсюда и происходит та ненависть, которую Бонапарт питал и к нему, и к его друзьям»[124].

Конечно, надо принимать во внимание, что Мартен опубликовал свой труд в период второй Реставрации Бурбонов, когда ругать Бонапарта стало хорошим тоном. Однако учтем также,

---

[122] Ibid. P. 7.

[123] *Kléber J. B.* Carnet d'Égypte. P. 14–15.

[124] *Martin P. D.* Histoire de l'expédition française en Égypte. Paris, 1815. T. 1. P. 306.

что он написал эти строки за несколько лет до того, как Клебер, чье имя в период Империи находилось практически в забвении, вновь будет восславлен как национальный герой, а стало быть, похвала ему в тот момент не могла принести автору каких-либо личных выгод.

После того как уходившие из Сирии французские войска пересекли границу Египта, пути Бонапарта и Клебера разошлись: главнокомандующий со штабом и основными силами направился в Каир, дивизия Клебера двинулась к месту постоянной дислокации в Дамьетту.

Вновь два военачальника на короткое время встретились только 25 июля 1799 г., после сухопутного сражения при Абукире, в котором Бонапарт разгромил и сбросил в море собранную на острове Родос и десантированную в Египте турецкую армию Мустафа-паши. Клебер по приказу главнокомандующего спешил со своей дивизией на соединение с основными силами армии, но Бонапарт начал бой, не дожидаясь его. По словам художника Д. Виван Денона, Клебер, прибыв к вечеру на место сражения и увидев его итог, якобы обнял Бонапарта и воскликнул в порыве энтузиазма: «Генерал, вы велики, как мир, а он недостаточно велик для вас»[125]. Позднее эту сцену увековечат в лубке, предназначенном для широкой публики. Правда, не будем забывать, что Виван Денон принадлежал к близкому окружению Бонапарта, и тот, уезжая во Францию, забрал его с собой. Кстати, именно Бонапарту благодарный Виван Денон и посвятил свою книгу. Клебера же к моменту ее публикации уже не было в живых, подтвердить или опровергнуть слова автора он не мог, а потому в предложенной тем интерпретации оказался посмертно занесен в число почитателей своего антагониста.

Если о скептическом отношении Клебера к военным и организационным способностям Бонапарта знали в Восточной армии даже люди, далекие от штабов, то, конечно же, знал об этом и сам Бонапарт. Главный врач армии Деженетт сообщает, что даже в своем последнем перед отъездом во Францию разговоре с Мену главнокомандующий якобы весьма раздраженно высказался о строптивом эльзасце: «Я часто делал этому человеку авансы, но в ответ всегда получал лишь выражение недовольства»[126].

Разумеется, для корсиканца и речи не было о том, чтобы взять Клебера с собой во Францию. И дело тут не только в личной антипатии, но и том, что республиканские убеждения эльзасца плохо сочетались с намерением Бонапарта вступить в борьбу за единоличную власть. В свое время – возможно, после приезда Клебера из Александрии в Каир – Каффарелли провел с ним беседу (как тот полагал, по просьбе Бонапарта), в которой попытался прозондировать его политические взгляды:

> «*Д*[*юфальга*] *К*[*аффарелли*]. О какой репутации в наши дни, генерал, вы бы мечтали, если, конечно, с вашей нынешней репутацией вам еще есть о чем-то мечтать?
>
> *К*[*лебер*]. Опускаю комплимент и отвечу на вопрос – о репутации Вашингтона.
>
> *Д. К*. Ого! Не ожидал…
>
> *К*. Вполне возможно.
>
> *Д. К*. И вы больше не скажете ничего?
>
> *К*. Скажу. Вашингтон начал и довел до завершения свое славное предприятие. Он просчитал результат и выбрал пропорциональные средства для его достижения. А когда он его добился, то избежал опьянения успехом. И, наконец, это предприятие было достойно похвалы с точки зрения как политики, так и философии, поскольку оно имело целью не завоевание, грабеж и опустошение, а независимость и счастье нации.

---

[125] *Vivant Denon D.* Voyage dans la Basse et la Haute Égypte pendant les campagnes du général Bonaparte. Paris, 1802. P. 220.

[126] Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Égypte. P. 55.

Я всегда думал, что этот вопрос был задан мне по поручению… [неразборчиво. – *А. Ч.*]»[127].

Вывозя из Египта свою ближайшую клиентелу для того, чтобы она помогла ему в борьбе за власть, Бонапарт не мог рассчитывать в этих планах на Клебера. Более того, столь влиятельного и популярного военачальника, который в силу личных и политических противоречий с Бонапартом мог помешать тому в реализации задуманного, следовало держать подальше от Франции. Позднее, уже на острове Святой Елены, в разговоре с генералом Бертраном 31 августа 1816 г. Наполеон обронит: «Если бы Клебер вернулся во Францию, он мог бы мне создать затруднения; но не после Амьенского мира – тогда я уже стал слишком велик, и мне было бы всё равно»[128].

Таким образом, вполне очевидно, почему Бонапарт не взял Клебера с собою. Но почему он оставил своим преемником его, а не более близких к себе Дезе или Мену, которые к тому же по старшинству производства в чин имели перед Клебером преимущество? Как мне кажется, выбор этот определили два обстоятельства.

Во-первых, для того чтобы удержать Клебера подальше от Франции, где он со своим огромным авторитетом в войсках представлял бы угрозу для честолюбивых замыслов Бонапарта, его следовало покрепче привязать к Восточной армии. Если бы Клебер остался по-прежнему командиром дивизии при другом командующем, ничто не помешало бы ему поставить перед тем вопрос о своем возвращении на родину по состоянию здоровья, как он уже ставил его перед Бонапартом. И никто бы не посмел ему отказать в этом законном праве. Зато, возложив на Клебера ответственность за судьбу армии, можно было быть уверенным, что теперь он вернется во Францию только вместе с нею, а это, согласно оставленным Бонапартом инструкциям, предполагалось еще очень не скоро. Клебер, таким образом, удерживался в Египте на долгий срок.

Во-вторых, если бы Бонапарт оставил командование Восточной армией кому-то из близких себе людей, то в случае неудачи преемника тень поражения пала бы и на самого Бонапарта. А положение дел в армии и в управлении Египтом, как он прекрасно знал и как мы увидим в следующей главе, не просто оставляло желать лучшего, а было по-настоящему катастрофическим. Шансов на то, что новому главнокомандующему удастся выкрутиться, практически не оставалось, поэтому назначить своего соперника (по крайней мере, потенциального) на пост капитана тонущего корабля представлялось чрезвычайно выгодным. Именно ему пришлось бы нести ответственность за будущую неудачу экспедиции. А если Клеберу всё же удалось бы спасти положение, то и это можно было обернуть себе на пользу, сказав, что всё закончилось хорошо только потому, что он, Бонапарт, оставил своему преемнику дела «в полном порядке».

Таким образом, хорошо просчитанная комбинация при любом развитии событий оказывалась выигрышной для Бонапарта. Однако последний, похоже, не предвидел, что соперник, ознакомившись с расстановкой фигур на доске, может отбросить предписанные ему правила и начать играть по своим собственным.

---

[127] *Kléber J. B.* Carnet d'Égypte. P. 14.

[128] *Bertrand H. G.* Cahiers de Sainte-Hélène. T. 1. P. 114–115.

Глава 2
Наследие Бонапарта

Опустевшее «гнездо»

Поздно вечером 24 августа 1799 г. командующий округом Дамьетты генерал Клебер прибыл по срочному приглашению главнокомандующего в Розетту. Однако здесь он не нашел не только Бонапарта, но и командующего округом Розетты генерала Мену. Встретил Клебера временно замещавший Мену генерал-адъютант Ф. Валантен. От него-то Клебер и узнал сногсшибательную новость…

Несмотря на желание Бонапарта, чтобы о его отъезде никому не сообщали в течение 48 часов, известие это пришло в Розетту гораздо раньше. Очевидно, его принес Валантену кто-то из младших офицеров, которые присутствовали при погрузке на корабли отбывающих и обязаны были позаботиться о брошенном беглецами имуществе: только оседланных коней насчитывалось до двух сотен[129]. Таким образом, Валантен узнал об эвакуации главнокомандующего из Египта еще до того, как о ней было объявлено официально. Днем 24 августа Валантен поспешил сообщить эту новость генералу Дюга, которого Бонапарт, как и во время Сирийской кампании, оставил «на хозяйстве» в Каире. Вернув Дюга письма, присланные тем на имя главнокомандующего, Валантен добавил от себя:

> «Вы, конечно же, знаете, мой дорогой генерал, о его отъезде во Францию, который имел место в полночь 5-го [фрюктидора, или 22 августа]. С ним уехали генералы Бертье, Ланн, Мюрат, Андреосси, Мармон и т. д., адъютанты и т. д.
>
> Уверяют, что скоро он вернет нас во Францию. Да будет так!
>
> Будьте любезны, пожалуйста, сообщить мне о реакции, которую этот отъезд вызовет в Каире. Здесь он не произвел большого впечатления. Солдаты пожелали ему [Бонапарту] доброго пути и особенно того, чтобы Смит не доставил его в Лондон»[130].

Командор Сидней Смит командовал английской эскадрой в Восточном Средиземноморье, осуществлявшей блокаду египетских портов. Его имя еще не раз встретится на страницах этой книги.

После прибытия Клебера в Розетту Валантен и ему рассказал о случившемся. О реакции эльзасца на эту новость мы можем только догадываться. Но, судя по язвительному тону написанных им утром 25 августа писем к Мену и Дюга, его отношения к Бонапарту она явно не улучшила. Так, Мену он написал:

> «Вечером 5-го [фрюктидора, или 22 августа], мой дорогой генерал, ко мне пришло послание от главнокомандующего, отрывок из которого привожу ниже:
>
> “Вы получите это письмо 3-го или 4-го [фрюктидора]. Прошу вас не отправлять ко мне кого-либо из адъютантов, а немедленно выехать в Розетту лично, если это не создаст никаких сложностей в Дамьетте. Я бы хотел, чтобы

[129] См.: Н. Бонапарт – А. Ж. Мену, 22 августа 1799 г. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 606.

[130] Ibid. P. 630.

вы прибыли в Розетту 7-го [фрюктидора, или 24 августа]. Мне надо обсудить с вами вопросы чрезвычайной важности".

За два дня я пересек пустыню и озеро Бурлос, приехав в Розетту 7-го [фрюктидора] в 10 вечера, но птица уже покинула гнездо, даже не заглянув сюда. Я возвращаюсь в Дамьетту, где буду спокойно дожидаться приказов от того, кто теперь командует армией. <…>

Держите меня в курсе всего, что происходит в вашем округе, я буду поступать так же. Нет для меня большего удовольствия, чем частое получение ваших писем, и я надеюсь, вы будете столь любезны, что в первом же из них сообщите мне подробности отъезда нашего героя и его достойных компаньонов»[131].

Послание к Дюга в своей начальной части совпадало с приведенным выше за малым отличием: Клебер просил его сообщить, кто теперь командует армией. Закончив и отправив оба письма, генерал уже собирался возвращаться в Дамьетту, когда из Александрии прискакал шеф бригады Эссотье с посланием от Мену и толстым пакетом документов, оставленных Бонапартом преемнику. Пространным и велеречивым письмом, уже по одному тону которого можно было понять, что оно адресовано новому главнокомандующему, Мену извещал коллегу, что отныне тот в ответе за всё:

«Мой дорогой генерал, вы назначаетесь на верховное командование Египетской армией. Главнокомандующий Бонапарт позавчера ночью уехал с генералами Бертье, Андреосси, Мармоном, Ланном и Мюратом. Я не вхожу здесь подробно в мотивы действий генерала Бонапарта: это объяснение я могу дать только устно. Ограничусь сообщением, что нахожу эти мотивы справедливыми, а поступок единственно способным принести какую-либо пользу армии»[132].

Далее Мену смиренно извещал, что, хотя Бонапарт перед отъездом назначил его командовать Вторым округом, включающим в себя Александрию, Розетту и провинцию Бухайра, он, Мену, оставляет исключительно на усмотрение Клебера место своей дальнейшей службы. В заключение, обсудив ряд текущих вопросов, автор сдобрил свое послание изрядной порцией лести:

«Вы должны поверить, мой генерал, что я чрезвычайно рад находиться под вашим началом. Будьте уверены, что во всём и везде вам не найти человека, в большей степени готового исполнять то, что вы мне прикажете. Я уже давно питаю к вам уважение и искреннюю дружбу. Надеюсь на такие же чувства с вашей стороны»[133].

В прилагаемом же пакете находились инструкции Бонапарта Клеберу, а также обращение теперь уже бывшего главнокомандующего к войскам, короткое и туманное:

«Новости из Европы побудили меня уехать во Францию. Я передаю командование армией генералу Клеберу. Армия вскоре услышит известия обо мне, я не стану их сообщать раньше времени. Мне очень трудно покидать солдат, к коим я так сильно привязан, но это ненадолго; а генерал, которого я им оставляю, пользуется доверием правительства и моим лично»[134].

---

[131] Ibid. P. 631.

[132] А. Ж. Мену – Ж. Б. Клеберу, 24 августа 1799 г. – Ibid. P. 627.

[133] Ibid. P. 629.

[134] Ibid. P. 593.

Ознакомившись с письмом Мену и содержанием пакета, Клебер решил уже не возвращаться в Дамьетту, а сразу отправиться в Каир принимать дела. Но прежде он хотел встретиться с Мену и узнать от него, что же такого Бонапарт сказал перед отъездом, чего нельзя доверить бумаге. Клебер приказал Мену прибыть в Розетту не позднее 9 часов утра 27 августа и заодно утвердил его назначение командующим Вторым округом, обещав и впредь делать всё для его блага, ибо верит, что и Мену всегда будет ставить *общественные* интересы на первый план. Это звучало как завуалированное предостережение от двойной игры: близость Мену к Бонапарту ни для кого не была секретом. В этом послании нет того сарказма по отношению к поступку Бонапарта, что в предыдущем, но в самом конце досада Клебера все же прорывается наружу: «Если я и принимаю мотивы отъезда Бонапарта, то по крайней мере мне есть что сказать относительно формы [того, как это было сделано]»[135].

Дожидаясь Мену, Клебер 26 августа написал в Каир генералу Дюга. С боевым генералом эльзасец был более откровенен, чем с царедворцем Мену: «Я и не думал вчера, когда писал вам, мой дорогой генерал, что именно на меня ляжет *тягостное бремя* [курсив мой. – *А. Ч.*] верховного командования армией. Об этом я узнал слишком поздно. Не буду высказывать здесь никаких соображений на сей счет: скоро мы сможем обо всём свободно поговорить. Пока же уверен, что если и пробудил у вас какой-либо чувство в данной связи, то интерес, а не зависть»[136]. Клебер попросил Дюга отправить каждому из генералов армии следующий циркуляр:

> «Главнокомандующий уехал, гражданин генерал, в ночь с 5-го на 6-е [фрюктидора, или с 22 на 23 августа], чтобы вернуться в Европу. Те, кто, как вы, знает о том значении, которое он придает славному завершению Египетской экспедиции, должны понять, сколь важными были мотивы, побудившие его к этому путешествию. Но в то же время они должны верить, что при всех его грандиозных планах и во всех его предприятиях мы непрестанно будем главным предметом его заботы. “Я буду, – сказал он мне, – умом и сердцем с вами, и буду считать дурно прожитыми все те дни своей жизни, когда не сделаю хоть что-то для армии, командование которой я вам оставляю”. Поэтому мы должны скорее радоваться этому отъезду, чем о нем сожалеть.
>
> Однако оставленная Бонапартом в армии и в общественном мнении пустота весьма чувствительна. Как ее заполнить? Удваивая усердие и активность, облегчая совместными усилиями то тягостное бремя, что легло на его преемника, вы обязаны, гражданин генерал, совершить эти усилия ради своей родины, ради собственной славы, ради того уважения и дружбы, которые я к вам питаю.
>
> Привет вам!
>
> P. S. Отправляйте мне все свои депеши в Каир, куда я вернусь через три дня»[137].

[135] Ibid. P. 632.

[136] Ibid. P. 633.

[137] Ibid. P. 632.

* * *

До того как письма Клебера от 25 и 26 августа пришли в Каир, генерал Дюга, не имея вестей от Бонапарта, уехавшего якобы инспектировать положение дел в Дельте, тщетно пытался пресечь расползавшийся по городу слух о бегстве главнокомандующего. Профессиональный военный, получивший звание капитана еще при Старом порядке, а при Революции успевший повоевать против испанцев в Восточных Пиренеях, против шуанов в Бретани и против австрийцев в Италии, Дюга и мысли не допускал, что Бонапарт мог тайком сбежать, бросив армию. Тем не менее об этом говорили все громче. Первыми о происшедшем догадались входившие в состав экспедиции ученые, члены Института Египта. Их на такую мысль навел поспешный отъезд с главнокомандующим двух наиболее именитых коллег – математика Г. Монжа и химика К. Л. Бертолле, которых тот увез с собою во Францию. Дюга же, не веря разговорам, 18 августа написал в Розетту, где, как он думал, находится Бонапарт:

> «Я сейчас узнал, что этим утром в Институте пошел слух: открыто обсуждают то, что вы уехали во Францию, забрав с собою Монжа, Бертолле, Бертье, Ланна и Мюрата. Эта новость немедленно распространилась по всему городу, где она способна вызвать самые негативные последствия, чему я бы не удивился. Однако надеюсь, что вы ее опровергнете»[138].

Как вспоминал позднее Деженетт, «генерал Дюга, командующий в Каире и провинции, пытался пресечь слухи, и главным его аргументом, совершенно смехотворным, было то, что главнокомандующий не мог уехать втайне от него»[139]. Но дни шли, а вестей от Бонапарта не поступало. Более того, стало известно, что он изменил маршрут и вместо Дельты направился к Александрии. Отправленное ему вдогонку письмо Дюга от 26 августа ярко характеризует настроения в Каире перед тем, как туда пришло официальное известие о новом главнокомандующем:

> «Известие о вашем отъезде во Францию распространяется всё шире, поскольку обстоятельства не позволяют прояснить данный вопрос, а сами вы этого не делаете.
>
> Может ли случиться так, что вы бы не имели достаточно доверия ни к кому из тех, кого здесь оставляете, и не сообщили бы им, что вы их оставляете, ибо того настоятельно и неотложно требует состояние дел в Европе; ни к кому из тех, кто приехал сюда только потому, что вы возглавили экспедицию, и кто из привязанности к вам безропотно пожертвовал самым дорогим, что у него есть, – надеждой вновь увидеть свою семью? Ваше молчание, *ваше бегство* повергают их в отчаяние, поскольку вы ничего не объяснили. Вы могли бы это сделать и, я уверен, обязаны были это сделать.
>
> Ваш преемник должен был бы прибыть в Каир на следующий день после вашего отъезда. Чем больше задерживается его появление, тем труднее становится наше положение. Вот уже девять дней, как вы уехали, а он еще не известен! Армия вот-вот окажется ввергнута в пагубную анархию. Вы обещали прислать деньги из Менуфа и Гарбии, и если за те несколько часов, что вы находились в Дельте, вы успели отдать такой приказ, то он был выполнен не лучше, чем такой же приказ, отданный вами генералу Рейнье. Никакие службы

[138] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 635–636.

[139] Ibid. P. 637.

не действуют. Жалованье, которое вы приказали выплатить, не выплачивается. Недовольство достигло пика»[140].

28 августа Дюга получил письмо Клебера, которое тот отправил из Розетты 25-го, еще не зная о своем назначении главнокомандующим. 29 августа Дюга известил Каир об отъезде Бонапарта из Египта кратким объявлением:

«Всё говорит о том, что генерал Бонапарт уехал во Францию. Во время своего путешествия он получил срочный приказ правительства. Его отсутствие не должно вызывать никакого беспокойства ни у французов, ни у египтян. Все его действия направлены на благо тех и других, а генерал, который его заменит, уже пользуется доверием всей армии»[141].

Уверенность, выраженная в последней фразе, объясняется тем, что единственно достойным преемником Бонапарта на посту главнокомандующего Дюга считал Клебера. В тот же день, 29 августа, он отправил в Розетту депешу, где просил эльзасца как можно скорее прибыть в столицу:

«Повторяю вам, генерал, я убежден, что именно вам генерал Бонапарт мог передать командование армией и что чуть раньше или чуть позже вы получите об этом сообщение, однако сейчас совершенно необходимо, чтобы вы срочно вернулись в Каир для реорганизации армии. Штаба, генерал, больше нет; смена обмундирования приостановлена; фонды отсутствуют; у казначея нет средств для выполнения его обязанностей. Еще несколько дней и, похоже, ситуация может стать непоправимой. В силу всего сказанного я умоляю вас, генерал, немедленно прибыть в Каир»[142].

31 августа 1799 г. Клебер приехал. В хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, шейха каирской мечети аль-Азхар, так описывается торжественное вступление в столицу нового главнокомандующего Восточной армии:

«В пятницу, 29 раби ал-аввала (31.VIII.1799), утром в Каир прибыл верховный главнокомандующий Клебер. По случаю его приезда французы произвели со всех фортов артиллерийский салют. Все французы, начиная от самых низших чинов и кончая самыми высокопоставленными лицами, вышли его встречать. Клебер направился в ал-Азбакийу[143], в дом, в котором жил Бонапарт и который ранее принадлежал ал-Алфи[144], и в нем расположился.

<…> в тот же день высокопоставленные лица города – шейхи и прочая знать – отправились встречать и приветствовать нового верховного главнокомандующего. В этот день они не сумели с ним встретиться, и визит был отложен на завтра. На следующий день они отправились к нему и встретились с ним. Клебер оказался не столь радушным и веселым человеком, как Бонапарт. Последний был приветлив, обращался с собеседниками просто и шутил с ними»[145].

---

[140] Ibid. P. 639–640.

[141] Ibid. P. 641.

[142] Ibid. P. 641.

[143] Ал-Азбакийа – район Каира возле одноименной площади. Там располагались дворцы мамлюкских беев, занятые французскими генералами.

[144] Мухаммад-бей-ал-Алфи, или Алфи-бей (*во франц. транскр.* Elfy-bey), – один из наиболее влиятельных мамлюкских беев. После битвы при Пирамидах ушел с Мурад-беем в Верхний Египет, где сражался против дивизии Дезе. В августе 1799 г., преследуемый мобильными колоннами французов, прорвался в Сирию к Ибрагим-бею.

[145] *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 226–227.

Но Клеберу было не до шуток. Принимая не по своей воле управление оккупированной страной, размерами почти в полтора раза превосходившей Францию, он с первых шагов на новом поприще столкнулся с массой тяжелейших проблем, которые ему оставил предшественник и решения которых теперь все ждали от него самого. Уже по приведенному выше письму Дюга можно судить о плачевном состоянии финансов в столице. В провинции дела обстояли не лучше. Приняв дела в дополнение к Розетте также в Александрии и в провинции Бухайра, Мену 30 августа написал Клеберу, что даже по приблизительным подсчетам долги командования во Втором округе доходят до 560 тыс. ливров, значительную часть которых составляют задержки по жалованью солдатам[146]. Не удивительно поэтому, что лейтмотивом обращения Клебера к армии от 31 августа в связи со своим вступлением в должность стал призыв к терпению:

> «Солдаты!
>
> Важнейшие обстоятельства заставили главнокомандующего Бонапарта отбыть во Францию.
>
> Его не остановили те опасности, которыми чревато плаванье в неблагоприятный сезон по узкому морю, полному врагов. Он действовал ради вашего блага.
>
> Солдаты, скоро к вам придет мощное подкрепленье или же скорее будет заключен славный мир, и этот мир, достойный вас и ваших трудов, позволит вам вернуться на родину.
>
> Принимая на себя то бремя, которое нес Бонапарт, я осознаю важность такового и то, насколько оно тягостно. Однако, ценя ваши достоинства, столько раз позволявшие достигать блистательных успехов, ценя ваше постоянное терпение, дававшее возможность справляться со всеми невзгодами и выносить все лишения, ценя, наконец, всё то, на что такие солдаты способны, я думаю лишь о том, что возглавить вас – награда, командовать вами – честь, и силы мои умножаются.
>
> Солдаты! Не сомневайтесь, ваши первейшие потребности непрестанно будут предметом моей самой деятельной заботы»[147].

Заботясь о сохранении боевого духа армии и ее доверия к командованию, Клебер избегал какой-либо публичной критики действий своего предшественника. Однако среди друзей он, как вспоминал позднее Деженетт, отнюдь не стеснялся называть вещи своими именами:

> «Ближний круг Клебера составляли его друг и начальник штаба Дама, его адъютант Бодо (Beaudot), его секретарь Бод (Baude) <…>. Следом за этим ближним кругом, который я называю интимным, шли в соответствии с деловыми связями и взаимными личными симпатиями главный казначей Дор, администратор финансов Пусьельг, члены Института Фурье и Глутье, а также автор этих мемуаров. Тальен был хорошо принят и благодаря своему умению светского человека приятно общаться, и благодаря тому, что при обсуждении важных дел он всегда мог дать хороший совет, несмотря на тот поверхностный тон, которого он придерживался в Египте.
>
> Среди перечисленных здесь людей и еще некоторых других Клебер исходил негодованием: “Не имея возможности отказаться, я получаю на свою шею Египет… Задержки в жалованье… Люди в этой стране отвыкли платить, а наш человек [Бонапарт] в подобной ситуации сбегает (brûle la

[146] А. Ж. Мену – Ж. Б. Клеберу, 22 августа 1799 г. – SHD. Fond B^{6}. Carton 29.

[147] *La Jonquière C., de*. L’expédition d’Égypte. T. 5. P. 643–644.

paillasse), как лейтенантик, слухами о долгах и проделках которого полнятся все гарнизонные кафе”»[148].

Положение Клебера особенно осложнялось тем, что Бонапарт не предоставил ему свободы действий, а, уезжая, связал жесткими указаниями относительно дальнейшей линии поведения.

[148] *La Jonquière C., de*. L’expédition d’Égypte. T. 5. P. 646.

Заветы Бонапарта

В объемистом пакете, который 25 августа в Розетте вручил Клеберу шеф бригады Эссотье, находилась пространная инструкция Бонапарта по общим вопросам международной и военной политики с четырьмя дополнявшими ее мемуарами – «О внутреннем управлении», «Об укреплениях», «Об обороне Египта» и «О политических делах».

В первом и главном из этих документов Бонапарт объяснял свой отъезд необходимостью вернуть Франции утраченную в его отсутствие Италию. Перечислив взятых им с собою генералов и ученых, он просил Клебера в течение октября отправить следом генерала Ж. А. Жюно, а также оставленных Бонапартом в Каире «офицеров и слуг». Отдельно оговаривалась дальнейшая судьба Дезе: «В намерения правительства входит, чтобы генерал Дезе в течение ноября отправился в Европу, если этому не помешают какие-либо важные события»[149]. Очевидно, решив, что ввиду важной роли, которую Дезе играл в экспедиции как фактический правитель Верхнего Египта, одной только личной просьбы здесь окажется недостаточно, Бонапарт ссылается на некие «намерения правительства», хотя понятно, что при долгом отсутствии связи с Францией подобной информации он ниоткуда получить не мог.

Сообщая о прибытии в Тулон французской эскадры из Бреста, а в Картахену – флота союзной французам Испании, Бонапарт заверял своего преемника, что скоро будет обеспечена беспрепятственная доставка в Восточную армию необходимых ей подкреплений и оружия. Сам он «и как общественный деятель, и как частное лицо» обещал сделать всё возможное, чтобы Клебер впредь регулярно получал новости из Франции.

Однако главное в этой инструкции было высказано как бы между делом, вперемежку с частными и сугубо техническими деталями – приём, который Бонапарт позднее еще не раз будет применять в разных обстоятельствах, в частности при составлении конституций.

Именно так, мимоходом, он устанавливает Клеберу сроки дальнейшего пребывания Восточной армии в Египте:

> «Если в силу непредвиденных событий все попытки [установить постоянное сообщение с метрополией] окажутся бесплодными, если к маю вы не получите из Франции ни подкреплений, ни известий, если в этот год, несмотря на все предосторожности, в Египте будет чума и убьет у вас более 1500 человек – потери значительные и превышающие те, что ежедневно наносит война, – то в таком случае, я думаю, вы не должны рисковать, вступая в новую кампанию, и вам дозволяется заключить с Османской Портой мир, даже если его главным условием станет эвакуация из Египта. Надо только оттянуть выполнение этого условия, если удастся, до заключения общего мира»[150].

Таким образом, согласно воле Бонапарта, забытой им в Египте армии следовало продержаться как минимум до мая 1800 г., то есть без малого год, после чего ее командование получило бы в соответствии с его инструкцией право начать переговоры об эвакуации. Такой срок оставлял Бонапарту достаточно времени для того, чтобы решить во Франции вопрос о власти еще до того, как брошенные им в Египте десятки тысяч солдат и офицеров, едва ли питающих к нему из-за этого теплые чувства, вернутся на родину во главе с авторитетным и враждебно к нему настроенным генералом. К тому же если бы Восточной армии удалось каким-либо образом сохранить свои позиции в Египте до заключения общего мира, то на переговорах о таковом вполне можно было постараться в той или иной форме продлить доминирование Франции в

[149] Ibid. P. 594.

[150] Ibid.

этой стране, заслуга завоевания которой в подобном случае полностью принадлежала бы Бонапарту. Свои соображения о стратегическом значении владения Египтом он постарался донести в инструкции и до Клебера: «Вы лучше, чем кто-либо другой, гражданин генерал, можете оценить, насколько владение Египтом важно для Франции. Турецкая империя, которая грозит осыпаться с любой из сторон, сейчас разваливается, а потому эвакуация французов из Египта стала бы тем бóльшим несчастьем, что на наших глазах сия прекрасная провинция перешла бы в руки других европейцев»[151].

К инструкции Бонапарт приложил копию своего письма, которое еще 18 июля 1799 г. отправил Юсуф-паше, великому визирю Османской империи. В этом послании автор пытался убедить адресата в дружественных намерениях французов по отношению к туркам и в том, что Республика отнюдь не претендует на Египет. Правда, об эвакуации оттуда французской армии не говорилось ни слова, но «зато» Бонапарт предлагал туркам заключить союз против их «общих врагов» – России и Австрии[152].

На случай, если визирь положительно ответит на это предложение, Бонапарт советовал Клеберу вступить в переговоры, а в ходе них постоянно подчеркивать, что «Франция никогда не собиралась отбирать Египет у Порты», и требовать у Османской империи покинуть антифранцузскую коалицию, предоставив французам право торговать на Черном море. Если же результатом таких переговоров станет подписание какого-либо соглашения, то Бонапарт рекомендовал не спешить с исполнением его условий вплоть до ратификации данного документа французским правительством, а до того времени заключить полугодичное перемирие[153].

Во внутренней политике Бонапарт требовал продолжать его линию на «приручение» мусульманских элит страны. Для этого он советовал не давать слишком больших прав христианам, чтобы мусульмане не перенесли на французов свою «ненависть» к тем. Опираясь на местных религиозных лидеров – шейхов, «пугливых и не умеющих сражаться», а потому наименее опасных для французов, можно, по мнению Бонапарта, «усыпить религиозный фанатизм, пока не появится возможность его выкорчевать». Религиозные деятели, утверждал корсиканец следом за философами Просвещения, «возбуждают в людях фанатизм, сами не будучи фанатично верующими», а потому для успешного управления народом нужно привлечь симпатии его духовенства на свою сторону[154].

Остальные же рекомендации Бонапарта и вовсе отдавали утопизмом, порожденным характерной для просветительского мировоззрения верой в неоспоримое превосходство европейской цивилизации над всеми остальными. Считая, что французы выполняют на Востоке именно цивилизаторскую миссию, Бонапарт предлагал довольно специфические методы воспитания египтян в духе утвердившейся во Франции системы ценностей. Он советовал арестовать 500–600 мамлюков или арабов и принудительно отправить их во Францию в качестве заложников. Прожив там год или два, эти люди не смогут не оценить преимуществ французского образа жизни и по возвращении на родину станут деятельными сподвижниками оккупантов в утверждении их ценностей на египетской земле. В качестве еще одного средства изменения нравов и европеизации местных жителей Бонапарт обещал прислать из Франции в Египет труппу комедиантов[155].

Завершалась же инструкция велеречивым панегириком Бонапарта… себе самому: «Привыкнув считать наградой за страдания и труды моей жизни мнение потомства, я покидаю Египет с величайшим сожалением. Лишь интересы родины, ее слава, моя верность ей и недавно

---

[151] Ibid. P. 594–595.

[152] См.: Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1995. T. 3. P. 83–88.

[153] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 595.

[154] Ibid.

[155] Ibid. P. 596.

происшедшие там чрезвычайные события побудили меня пуститься в плаванье среди вражеских эскадр ради возвращения в Европу» и т. д.[156]

Обозначенные в инструкции вопросы получили развернутое освещение в четырех тематических мемуарах. Наиболее важным из них, бесспорно, был мемуар «О политических делах». Здесь Бонапарт наметил линию, которой, по его мнению, Клебер должен придерживаться во внешней политике, и прежде всего в вопросах войны и мира. Впрочем, большинство советов корсиканца отмечено крайним идеализмом и оторвано от реальности. Так, Клеберу рекомендовалось в отсутствие пополнений из Франции организовать ежегодную закупку во внутренних районах Африки 10 тыс. молодых чернокожих рабов для обучения их военному делу и зачисления в состав Восточной армии[157]. Однако в условиях оставленного Бонапартом после себя жесточайшего дефицита средств в армейской казне, где денег не хватало не только на жалованье французским военнослужащим, но даже на их обмундирование, производить массовые закупки невольников, а уже тем более вооружать и снаряжать новых солдат, было просто не на что.

Точно так же, выдавая желаемое за действительное, Бонапарт рассуждал о стратегических интересах держав Второй антифранцузской коалиции, предлагая Клеберу сыграть на их предполагаемых противоречиях. Характеризуя позицию Османской империи, Бонапарт, например, утверждал: «Султан Селим был против войны с Францией, диван расположен к нам благосклонно; потеря армий из Сирии и с Родоса открыла им глаза»[158]. Но утверждение относительно настроений султана и дивана имело совершенно произвольный характер и не подтверждалось какими-либо реальными фактами. Напротив, как мы увидим далее, турецкие власти имели самый решительный настрой на бескомпромиссную борьбу. И хотя бóльшая часть их армии с Родоса действительно погибла в сухопутном сражении при Абукире, в Сирии Бонапарт сражался только с местными силами. Собираемая же великим визирем для вторжения в Египет армия в бой с французами еще не вступала.

Наивным выглядел и совет Бонапарта внушить туркам, что французы остановились в Египте лишь временно, по его выражению, «как в караван-сарае» на пути в Индию, и не собираются задерживаться на берегах Нила. Надо было иметь очень невысокое мнение об интеллектуальных способностях противника, чтобы надеяться скормить ему эту байку после целого года войны и оккупации.

Столь же произвольно и столь же безапелляционно автор мемуара оценивал позицию Российской империи: «Россия не против Египетской экспедиции. Если бы царь мог, не компрометируя себя и совладав со своим характером, он скорее повел бы себя благожелательно, а не враждебно по отношению к Восточной армии». Русские, утверждал Бонапарт, сами не претендуют на Египет, а потому не станут возражать, если французы там останутся, ведь в таком случае оккупированная провинция будет постоянным яблоком раздора между Францией и Османской империей, не позволяя им восстановить их традиционный союз. Кто действительно заинтересован в изгнании французов с берегов Нила, так это англичане, но для этого у них нет необходимых сил, занятых на других театрах военных действий[159]. Столь уверенно рассуждая о возможности заключения с противниками сепаратных соглашений, Бонапарт явно не знал о союзных договорах, заключенных в январе 1799 г. Османской империей с Россией и Великобританией для изгнания захватчиков из Египта и серьезно затруднявших французам игру на противоречиях между членами коалиции.

---

[156] Ibid. P. 597.

[157] Ibid. P. 604–605.

[158] Ibid. P. 605.

[159] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 605.

В целом же весь документ, несмотря на его стратегическую значимость – вопрос войны и мира являлся для французов в Египте вопросом жизни и смерти, – оставляет весьма странное впечатление. Явно испытывая дефицит информации о реальном положении дел в Европе или даже в Восточном Средиземноморье, Бонапарт тем не менее рассуждает тоном всеведущего пророка, что, как мы видели, и ранее раздражало Клебера (вспомним его реакцию на утверждение корсиканца: «…Я более хладнокровно, чем кто-либо, могу просчитать исход событий.»). Вместо сообщения преемнику имевшихся у главнокомандующего сведений о текущем международном положении, пусть и немногочисленных, но достоверных, что позволило бы тому хоть как-то сориентироваться в обстановке, Бонапарт принялся безапелляционно потчевать его собственными фантазиями с одной-единственной целью – убедить и его, и будущих читателей мемуара в том, что он, Бонапарт, оставил армию в такой ситуации, когда у нее есть достаточно ресурсов держаться и дальше.

В отличие от только что рассмотренного документа, мемуар «О внутреннем управлении» содержит гораздо больше практических советов, обобщающих конкретный административный опыт первого года французской оккупации Египта. Начинает Бонапарт с констатации полиэтничного характера населения Египта, который французы, по его мнению, должны постоянно учитывать и использовать в управлении этой страной. Разумеется, принцип *divide et impera* (разделяй и властвуй) был придуман еще до него, но Бонапарт подробно объяснял в указанном документе, как его преемнику следует применять подобное правило в данном случае:

> «Араб – враг турок и мамлюков. Их власть над ним носит сугубо военный характер. Турецкий язык столь же чужд обитателям этой страны, как и французский. Арабы считают, что от природы превосходят османов. Улемы, великие шейхи являются предводителями арабской нации и пользуются доверием и любовью всех обитателей Египта, что во все времена вызывало к ним ревность со стороны турок и мамлюков, старавшихся держать их в стороне от управления общественными делами. Считаю, что следовать подобной политике нет нужды. Мы не можем оказать непосредственное влияние на народы, которым мы слишком чужды. Нам нужны посредники, а потому мы должны дать этим народам предводителей, иначе они выберут их сами. Я предпочитаю в качестве таковых улемов и докторов права, во-первых, потому что они местные; во-вторых, потому что они являются толкователями Корана, а наибольшие трудности из тех, что мы испытываем и еще будем испытывать, нам создают религиозные идеи; в-третьих, потому что эти улемы имеют мягкий нрав, любят справедливость, богаты и следуют добрым принципам морали. Они, без сомнения, наиболее порядочные люди в стране. Они не умеют ездить верхом, непривычны к военному делу, мало расположены к тому, чтобы возглавлять какое-либо вооруженное движение. Я заинтересовал их своим управлением. Я использую их, чтобы говорить с народом; я составил из них диван; они – канал, через который я управляю страной»[160].

Объяснив, таким образом, мотивы и приоритеты своей политики по «приручению» местных религиозных элит, Бонапарт дал советы и относительно других групп населения. Мамлюков, считает он, можно и нужно привлечь на свою сторону, сохранив за ними определенные привилегии и используя в качестве вспомогательного корпуса. Ибрагим-бею и Мурад-бею можно дать титулы принцев, остальным беям – звания генералов. Копты и другие христиане, находившиеся прежде в подчиненном по отношению к мусульманам положении, в любом случае останутся естественными союзниками французов и должны активно привлекаться в

[160] Ibid. P. 597–598.

администрацию, но чрезмерная их эмансипация, способная вызвать недовольство мусульман, вредна и опасна. Судя по дальнейшим событиям, советы Бонапарта в отношении внутреннего управления оказались далеко не бесполезны для его преемника, который, как мы увидим далее, во время Второго Каирского восстания умело сыграет на противоречиях между различными группами египетского населения.

Мемуар Бонапарта «Об обороне Египта» содержал тоже вполне конкретные и реалистичные оценки возможных военных угроз Египту в предстоявшую кампанию. Восточная армия, предупреждал Бонапарт, может столкнуться с тремя опасностями: 1) с наступлением турок по суше из Сирии; 2) с высадкой англичан с моря; 3) с тем и другим одновременно. В первом случае, считал он, французам придется, скорее всего, иметь дело примерно с 60 тыс. штыков и сабель неприятеля. Турки блокируют французский форт Эль-Ариш своим авангардом, расположив остальные дивизии эшелонами у колодцев Зувейд (Zawieh)[161], в Рафахе и Хан-Юнисе. Осада Эль-Ариша займет у турок, согласно подсчетам Бонапарта, не менее 20 дней. Столько же потребует осада форта Катия, следующего французского оплота на пути в Египет. Этого времени, полагал корсиканец, достаточно для того, чтобы стянуть основные силы Восточной армии численностью до 20 тыс. к Салихии и нанести поражение туркам при выходе их из Синайской пустыни.

При втором варианте развития событий для успеха английской высадки с моря, отмечал Бонапарт, в ней должно участвовать до 40 тыс. чел., которых у англичан в Восточном Средиземноморье просто нет. Меньший же по численности десант не имеет никаких шансов против французов.

И наконец, в третьем случае, при комбинированном наступлении по суше и с моря, в котором могли бы соответственно принять участие до 50 тыс. турок и 15 тыс. англичан, задача французского главнокомандующего, считал Бонапарт, должна состоять в том, чтобы не позволить армиям противника соединиться. В этом случае форт Эль-Ариш должен задержать турок, Александрия – англичан, что даст французам время сконцентрировать свои силы и разбить врагов поодиночке. Если же французы проиграют сражение, им необходимо всей армией отступить в Александрию и упорно оборонять ее, чтобы дотянуть до заключения всеобщего мира[162].

Как видим, при любом варианте наступления врага по суше Бонапарт отводил стратегически важную роль форту Эль-Ариш: «Из этого анализа можно понять важность обладания Эль-Аришем, который, на мой взгляд, является передовым дозорным постом или одним из ключей к стране»[163].

Соответственно, в мемуаре «Об укреплениях», дополнявшем предыдущий документ, давались практические советы по усилению важнейших фортификационных сооружений к будущей кампании. В частности, в ключевом для сухопутной обороны Египта форте Эль-Ариш предлагалось разместить наиболее сильный гарнизон по сравнению со всеми другими крепостями на пути из Сирии к Каиру – 400 чел. при 23 артиллерийских орудиях разных типов и калибров[164].

В целом, оценивая «заветы» Бонапарта, изложенные в форме инструкции и четырех сопровождавших ее мемуаров, нельзя не отметить, что они, за исключением его совершенно произвольных фантазий на тему внешней политики, носили достаточно конкретный и практичный характер. Однако их автор полностью обошел молчанием ключевой для его преемника вопрос: где взять средства не только для осуществления рекомендуемых мероприятий по усилению обороны Египта, но хотя бы для выплаты солдатам долгов по жалованью, без чего рас-

[161] Местечко Шейх-Зувейд находится в 33 км к северо-востоку от Эль-Ариша и в 15 км к юго-западу от Рафаха.

[162] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 603–604.

[163] Ibid. P. 604.

[164] Ibid. P. 600.

считывать на сохранение армией боеспособности не приходилось. В условиях же морального упадка войск любые, даже самые профессиональные, рекомендации стратегического порядка превращались в беспредметные абстракции.

Суровые реалии

После прибытия 31 августа в Каир Клебер начал знакомиться с доставшимся ему хозяйством, а 26 сентября завершил подробное послание Директории Франции о положении дел в Восточной армии. Таким образом, процесс изучения ситуации занял у него двадцать пять дней. О том впечатлении, которое он составил за этот отрезок времени, а затем изложил в письме Директории, будет сказано особо. Пока же попробуем проследить, как такое впечатление у него формировалось по ходу решения повседневных проблем армейских будней. Сделать это нам позволит анализ деловой переписки главнокомандующего, в которой день за днем отражались занимавшие его проблемы армии и оккупационной администрации.

Первым, кому Клебер написал, вступив в полномочия, оказался генеральный администратор финансов. Должность эту, одну из ключевых в Восточной армии, занимал Жан-Батист Этьен Пусьельг, личность в высшей степени примечательная. Он родился в 1764 г. В ходе Революции сделал блестящую административную карьеру и благодаря своим высоким профессиональным качествам и безукоризненной порядочности занимал руководящие должности в Министерстве финансов при всех поочередно сменявших друг друга политических режимах. Получив в 1795 г. пост секретаря министра финансов Г. Ш. Фэйпуля, Пусьельг вместе со своим патроном год спустя перешел с финансовой службы на дипломатическую. Работая во французском посольстве в Генуе, он выказал себя хорошим переговорщиком и успешно справился с секретной миссией в Турине. В Италии его приметил Бонапарт, по чьей инициативе Пусьельг в ноябре 1797 г. отправился с тайным заданием на Мальту, где в течение трех месяцев собирал информацию о военном потенциале Ордена госпитальеров и вел среди мальтийских рыцарей агитацию в пользу Франции. То, что в самом начале Египетского похода Бонапарт сумел захватить мощную крепость Ла-Валетты, практически не встретив сопротивления, была немалая заслуга Пусьельга[165].

В Египте Бонапарт нашел применение богатому опыту Пусьельга в обращении с деньгами и назначил его генеральным администратором финансов. После отъезда главнокомандующего Пусьельг прекрасно поладил и с его преемником; более того, он вошел в ближайшее окружение Клебера. В судьбе забытой армии Пусьельг еще сыграет важную роль, однако именно за это тоже будет позднее обречен на забвение – сначала Бонапартом, а затем и историками. До сих пор его неординарный жизненный путь не стал предметом специального исторического исследования. И даже биографическая справка о нем, предваряющая публикацию описи его личного фонда в Национальном архиве Франции, содержит очевидную путаницу в фактах[166]. В «Словаре Наполеона», вышедшем под редакцией Ж. Тюлара[167], имя Пусьельга и вовсе не упоминается, хотя сведения о персонажах той эпохи, куда менее значительных, там вполне можно найти.

То, что именно генеральный администратор финансов стал первым, к кому Клебер обратился с серией служебных записок, вступив в должность главнокомандующего, весьма показательно: казна была пуста, и требовалось изыскивать пути ее наполнения. Между тем, отмечал Клебер, четкого порядка в налогообложении местных жителей нет, а те суммы, что удается собрать, далеко не полностью доходят до армейской кассы, прилипая к рукам рядовых чиновников финансового ведомства. В целом же, хотя эти семь записок Клебера Пусьельгу от 2 сен-

[165] См.: Poussielgue // Biographie universelle ancienne et moderne. Nouv. éd. Paris, [186–?]. T. 34. P. 234.

[166] Fonds Jean-Baptiste Poussielgue (1784–1817). Répertoire (131AP/1– 131AP/4) / par S. d'Huart, S. Lacombe. Pierrefitte-sur-Seine, 1957. P. 3.

[167] Dictionnaire Napoléon / Sous la direction de J. Tulard. Paris, 1999.

тября и были посвящены сугубо частным вопросам, все вместе они создают довольно удручающую картину состояния армейских финансов[168].

Тема финансового дефицита чаще прочих встречается в переписке Клебера и с другими корреспондентами. Так, после прибытия в Каир он сообщает генералу Мену: «Я не нашел в казне ни гроша»[169]. А тот почти одновременно отправляет встречное письмо: «Мой генерал, здесь вы найдете длинный ряд моих посланий. Они весьма скучны, ибо содержат *лишь счета*, но этими деталями следует заниматься, чтобы общественные дела шли своим чередом»[170]. Генералы, командующие провинциями, получают письма с приказом как можно скорее выбрать еще остающиеся недоимки по налогам и контрибуциям. Вот, к примеру, послание Клебера генералу Оноре Виалю в Шибин-эль-Ком (Semenhoud) от 5 сентября:

> «Когда я принимал командование армией, я не нашел ни гроша в казне, все службы прекратили работу и еще бездействовали. Проявите всё свое усердие и всю свою активность для взыскания недоимок по контрибуциям в вашей провинции и как можно скорее отправьте эти средства главному кассиру армии»[171].

Такое же требование Клебер отправляет 4 сентября генералу Юзефу Зайончеку в Бени-Суэйф, 7-го – генералу Дезе в Верхний Египет, 8-го – генералам Жан-Антуану Вердье в Дамьетту, Симону Лефевру в Мансуру и Франсуа Ланюсу в Минуф[172].

Денег катастрофически не хватало ни на что. 2 сентября командующий артиллерией Восточной армии генерал Николя Мари Сонжис де Гурон сообщает генералу Дюга, что из-за недостатка средств приостанавливает все работы в округе Каира, скупо добавив: «Главнокомандующий предупрежден»[173]. 7 сентября Клебер отдает приказ главному казначею армии за неимением средств приостановить выплату офицерам наличными пайковых денег и впредь использовать для этого только переводные векселя[174].

11 сентября Клеберу пришлось разъяснять сложившуюся ситуацию генералу Жюно, чтобы умерить его финансовые аппетиты. Любимчик Бонапарта сразу же после прибытия Клебера в Каир попросил разрешения отправиться во Францию следом за патроном и немедленно получил согласие[175]. Однако, не удовлетворившись этим, Жюно стал требовать также, чтобы из армейской казны ему компенсировали 3 тыс. ливров, потраченные им ранее на ремонт дома в Гизе, который предоставил ему Бонапарт. Клеберу ничего не оставалось, как расставить точки над *i*:

> «Мой дорогой генерал, когда я принял командование над армией, я не нашел ни гроша в кассе, но лишь задолженность по выплатам примерно в три миллиона ливров и абсолютно обнищавшую армию. Исходя из этого вы можете понять, какую строгую экономию мне приходится соблюдать. Я тем не менее приказал кассиру выплатить вам 3 тыс. ливров жалованья, а также пайковые деньги в переводных векселях для оплаты во Франции, и я готов оплатить вам всё то, что я оплачиваю и другим старшим офицерам»[176].

---

[168] Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1995. T. 3. P. 8–13.

[169] Ж. Б. Клебер – А. Ж. Мену, 4 сентября 1799 г. – Ibid. P. 15.

[170] А. Ж. Мену – Ж. Б. Клеберу, 5 сентября 1799 г. – Ibid. P. 20.

[171] Ibid. P. 24.

[172] Ibid. P. 15, 27. 32.

[173] SHD. Fond B^6. Carton 30.

[174] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 3. P. 27.

[175] Ж. Б. Клебер – Ж. А. Жюно, 4 сентября 1799 г. – Ibid. P. 16.

[176] Ж. Б. Клебер – Ж. А. Жюно, 11 сентября 1799 г. – Ibid. P. 41.

Приказом главнокомандующего по армии от 16 сентября подобный порядок выплат был распространен и на других лиц:

> «Главнокомандующий, узнав о требованиях некоторых уезжающих во Францию военных и служащих, чтобы им выплатили все задолженности, и учитывая, что нынешняя скудость армейской казны не позволяет удовлетворить их запросы, но желая тем не менее предоставить им средства отправиться в путь, постановляет:
>
> 1. Военные и служащие, уезжающие во Францию, получают перед своим отъездом наличными только свое жалованье за месяц. Выплата всех остальных задолженностей перед ними будет осуществлена главным кассиром в переводных векселях на национальное казначейство <…>»[177].

Жестокий дефицит средств ощущался не только в Каире, но и в провинции. Не имея возможности из-за безденежья решить ни одной из стоявших перед ним задач, генерал Мену, не продержавшись и трех недель в должности командующего Вторым округом, запросился в отставку с этого поста[178].

Для скорейшего наполнения казны Клебер сразу же после прибытия в Каир немедленно обложил коптов чрезвычайной контрибуцией в 150 тыс. ливров в возмещение ранее не выплаченных ими податей. Причем в мединах разрешалось выплатить только треть запрошенной суммы, а две трети взимались в золоте и серебре. Чтобы и на сей раз не было опозданий с внесением платежей, главнокомандующий принял жесткое решение взимать задерживаемые суммы в кратном размере, который непрестанно увеличивался бы с каждым днем задержки[179].

Кроме того, с первых своих шагов на новом поприще Клебер постарался упорядочить поступление доходов. Ежедневным приказом по армии от 5 сентября он запретил военному командованию на местах распоряжаться собранными суммами без его санкции[180]. 8 сентября циркулярным письмом к армейским кассирам он предупредил о персональной ответственности их подчиненных – интендантов-коптов и французских финансовых агентов, совместно занимавшихся сбором податей с населения, за сохранность отправляемых в казну сумм, поскольку в стандартных упаковках по 1 тыс. мединов то и дело обнаруживались недостачи[181].

Ежедневным приказом по армии от 14 сентября Клебер ввел новое административно-территориальное деление страны на восемь округов, в каждый из которых назначалась гражданская администрация в составе французского агента, его заместителя и переводчика. На агента или его заместителя возлагалась обязанность сопровождать мобильные колонны, отправленные для взимания налогов или контрибуций с местного населения, и тут же брать под свой контроль изъятые средства. В каждый округ назначался также интендант из числа коптов, который был обязан держать агента в курсе текущей ситуации в подконтрольной им местности и в случае необходимости сопровождать его на взимание податей. В каждый из округов назначалось также по одному военному комиссару с заместителем[182].

Другим приказом того же дня создавались в административных центрах округов восемь касс, куда необходимо было вносить все виды платежей в течение суток после их поступления. Агентам и интендантам-коптам воспрещалось самостоятельно тратить собранные деньги без санкции центральной администрации[183]. По сути, этими двумя приказами была проведена

---

[177] Ibid. P. 61–62.

[178] А. Ж. Мену – Ж. Б. Клеберу, 14 сентября 1799 г. – Ibid. P. 54–56.

[179] Ibid. P. 44–45, 48; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 227.

[180] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 3. P. 18.

[181] Ibid. P. 33–34.

[182] Ibid. P. 50–52.

[183] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 3. P. 53–54.

всеобъемлющая административно-финансовая реформа, призванная максимально упростить и рационализировать систему управления оккупированной страной и получения с нее доходов.

Однако, если такая реформа и могла решить или хотя бы смягчить проблему дефицита финансов, для этого требовалось время. А близкая угроза внешнего вторжения его уже не оставляла. Хотя Бонапарт и Клебер разбили у горы Фавор войска, собранные дамасским пашой для помощи Акре, основные силы османской армии в дело еще не вступали. Из Сирии приходили сведения о том, что великий визирь Османской империи Юсуф-паша ожидается в Дамаске с армией из Константинополя, предназначенной для вторжения в Египет. После прибытия в Каир Клебер получил донесение от агента из Сирии, которое шеф батальона[184] Марк Антуан Жофруа, комендант форта Эль-Ариш, прислал вместе со своим письмом от 1 сентября:

> «Абдулла-паша ожидает в Дамаске Юсуф-пашу, который со дня на день должен прибыть сюда с армией из Константинополя. Однако, пока его ждут, никто в Сирии не сдвинется с места. Джаззар-паша не проводит в своих владениях никакой мобилизации, довольствуясь тем, что активно восстанавливает Акру. В Яффе никого, и этот почти полностью разрушенный город остается всё в том же разоренном состоянии, в каком мы его оставили. Складов провианта нет ни в Яффе, ни в Газе. Предполагается, что Джаззар-паша, опасаясь как одной стороны, так и другой[185], решил в предстоящей схватке соблюдать нейтралитет. Говорят, что султан доверил ему командовать караваном паломников в Мекку, но он отказался, сославшись на свой возраст и нынешнюю ситуацию.
>
> В Газе мамлюки. Они вошли туда одновременно с уходом французской армии. Их насчитывается 300–400 человек. Вместе с ними там находятся 200 конных янычар султана, набранные в этой местности. Они питаются тем, что купят, и не имеют ни малейших запасов продовольствия. Говорят, что Алфи-бей, бывший губернатор Шаркии, соединился с Ибрагим-беем и часто предпринимает разведывательные рейды до Хан-Юниса, где проводит по несколько дней»[186].

Впрочем, ситуация быстро менялась, и уже 7 сентября Клебер сообщил генералу Дезе, который продолжал гоняться в Верхнем Египте за Мурад-беем:

> «В Сирии всё пришло в движение. Юсуф-паша в Дамаске. Там уже должны собраться 80 тыс. чел., и все они двинутся прямо на Каир. По пути, я полагаю, им встретится ужасный враг – голод»[187].

Чтобы осложнить задачу великому визирю и оттянуть предстоявшее вторжение, Клебер запретил под угрозой смертной казни продавать из Египта в Сирию продовольствие, прежде всего рис и зерно[188]. Генерал Рейнье, чья дивизия стояла в Салихии и кому подчинялись гарнизоны Эль-Ариша и Катии, получил приказ перехватывать идущие в Сирию торговые караваны с продовольствием и изымать таковое в пользу армии[189]. Вместе с тем все эти меры могли лишь отсрочить грядущее столкновение, но не предотвратить его. А потому Восточной армии предстояло по воле Бонапарта не меньше года защищать Египет от объединенных сил Осман-

---

[184] Шеф батальона – первый чин старшего офицерского состава в пехоте, аналог звания майор.

[185] Джеззар-паша на протяжении многих лет правил Сирией фактически независимо, подчиняясь Константинополю сугубо номинально, а потому имел основания опасаться, что с приходом большой османской армии Порта может попытаться урезать его самостоятельность или вообще лишить власти.

[186] SHD. Fond B^6. Carton 30.

[187] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 3. P. 28.

[188] Ж. Б. Клебер – Ж. Б. Пусьельгу, 27 сентября 1799 г. – Ibid. P. 103–104.

[189] Ж. Б. Клебер – Ж. Л. Э. Рейнье, 26 сентября 1799 г. – Ibid. P. 102.

ской империи, Великобритании и России, не получая подкреплений и не имея денег даже на выплату жалованья личному составу. Детальное ознакомление с состоянием дел в полученном им от предшественника хозяйстве побудило Клебера всего лишь месяц спустя после отъезда Бонапарта сделать решительный шаг в сторону от намеченной тем политической линии.

Спор длиною в годы

Подробно изучив за три недели пребывания в Каире положение дел в армии, Клебер представил свое видение ситуации в пространном послании Директории Республики от 26 сентября 1799 г. Фактически он подвел тем самым итог годичному пребыванию своего предшественника во главе экспедиции. Уже одно только это должно было привлечь к данному документу внимание Бонапарта, всегда проявлявшего заботу о том, в каком контексте его имя окажется вписано в анналы истории. Ознакомившись далее с письмом Клебера, читатели без труда поймут, почему оно Бонапарту не понравилось. Однако еще больше ситуацию усугубляло то, что оно стало достоянием широкой публики, к тому же самым неприятным для Бонапарта образом. Судно, отправленное из Египта во Францию с почтой, включавшей одну из копий данного послания, было перехвачено английскими кораблями, и корреспонденция попала в руки неприятеля. Англичане опубликовали ее, чтобы вся Европа из письма Клебера узнала, в каком состоянии бросил в Египте свою армию человек, ставший к тому времени Первым консулом Франции[190]. О том, сколь болезненным оказался для Бонапарта этот удар по репутации и самолюбию, можно понять из того, что полтора с лишним десятка лет спустя, находясь на острове Святой Елены, бывший император обратится к анализу этого, уже давно, казалось бы, забытого общественным мнением, документа, чтобы написать его опровержение. Далее я приведу целиком текст Клебера с комментариями Бонапарта, а затем, опираясь на данные имеющихся у нас источников, попытаюсь определить, чья версия событий точнее:

> *Клебер:* «Граждане Директора, утром 6 фрюктидора генерал Бонапарт уехал во Францию, никого не предупредив. Он назначил мне встречу в Розетте на 7-е, но там я нашел только его депеши. Находясь в неведении о том, имел ли счастье сей генерал успешно добраться, считаю своим долгом отправить вам копию письма, которым он передал мне командование армией, и копию письма, которое он адресовал великому визирю в Константинополь, хотя прекрасно знал, что этот паша уже прибыл в Дамаск».
>
> *Бонапарт:* «В конце августа великий визирь находился в Ереване, что в Великой Армении. С собою у него было лишь 5 тыс. чел. В Египте 22 августа еще не знали, что этот первый министр уже покинул Константинополь. Да если бы и знали, данному обстоятельству большого внимания бы не придали. 26 сентября, когда было написано это письмо [Клебера], великий визирь не находился ни в Дамаске, ни в Алеппо, а был вообще за пределами Тавра»[191].

В процитированном комментарии весьма ярко проявляется характерная для Бонапарта способность непререкаемым тоном рассуждать даже о тех вещах, о которых он имел лишь самое приблизительное представление. Точное указание на местопребывание великого визиря должно убеждать в том, что комментатор владеет абсолютно достоверной информацией. Однако приведенные Бонапартом сведения – исключительно плод его фантазии. Видимо, не очень хорошо представляя себе географию региона, он «отправляет» великого визиря Османской империи в Ереван, принадлежавший в то время Персии. Любопытно, что ни в одном из документов периода самого Египетского похода ни о каком Ереване в данном контексте и речи не идет. Напротив, в письме генералу Рейнье от 27 июля 1799 г., два дня спустя после своей

[190] Copies of original letters from the French army in Egypt. Part 3. London, 1800. P. 28–37.

[191] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 515–516.

победы при Абукире, сам же Бонапарт сообщал: «Уверяют, что великий визирь с 8 тыс. чел. прибыл в Дамаск, имея план двинуться в Шаркию»[192].

В свою очередь Клебер, говоря о нахождении Юсуф-паши, опирался на сведения своей разведки. Если в приведенном мною выше донесении агента из Сирии говорилось, что прибытие великого визиря в Дамаск ожидается со дня на день, то в депеше генералу Дюга от 1 сентября шеф батальона Жофруа, комендант Эль-Ариша, уже совершенно определенно писал о том, что главнокомандующий османской армией находится в Дамаске[193]. Таким образом, предложенное Бонапартом «опровержение» явно бьет мимо цели.

Клебер: «Моя первейшая задача состояла в том, чтобы получить четкое представление о нынешнем состоянии армии.

Вы знаете, граждане Директора, или можете узнать, какой у нее был численный состав при вступлении в Египет. Она уменьшилась наполовину, а нам теперь приходится контролировать все основные пункты в треугольнике от порогов [Нила] до Эль-Ариша, от Эль-Ариша до Александрии, от Александрии до порогов».

Бонапарт: «Французская армия на момент высадки в Египте в 1798 г. насчитывала 30 тыс. чел. Поскольку генерал Клебер утверждает, что она уменьшилась наполовину, она должна была бы составлять 15 тыс. чел. Это – явная ложь, поскольку сводки о численности личного состава от 1 сентября, присылаемые всеми командирами частей в военное министерство, показывают численность армии в 28 500 чел., не считая местных жителей. Ведомости главного казначея Дора показывают, что на довольствии состояло 35 тыс. чел., включая сюда приписки, вспомогательные войска, двойные порции, женщин и детей. Ведомости кассира Эстева, отправленные в национальное казначейство, показывают численность армии в 28 500 чел. Могут спросить: неужели завоевание Верхнего и Нижнего Египта, Сирии, болезни, чума стоили жизни лишь 1500 чел.?! Нет, умерло 4500 чел., но после высадки армия увеличилась на 3 тыс. чел., вобрав в себя остатки личного состава эскадры Брюейса.

Хотите еще одно, столь же убедительное, доказательство? Вот оно: в октябре и ноябре 1801 г., два года спустя, на корабли для отъезда из Египта во Францию погрузилось 27 500 чел., из которых 24 тыс. – личный состав армии, остальные – мамлюки и местные жители. А ведь армия не получала никаких подкреплений, не считая тысячи человек, прибывших на фрегатах “Ла Жюстис”, “Эжипсьен”, “Ла Реженере” и на двенадцати корветах и авизо, приходивших за этот период.

В 1801 и 1802 гг. [sic!] армия потеряла 4800 чел. от болезней и в кампаниях против великого визиря и англичан в 1801 г. Кроме того, 2300 чел. были взяты в плен в фортах Абукир, Жюльен, Рахмания, в пустыне с полковником Кавалье[194], на джермах[195] конвоя, в Марабу, но все эти войска, отправленные затем во Францию, входят в число 27 500 вернувшихся.

[192] Н. Бонапарт – Ж. Л. Э. Рейнье, 27 июля 1799 г. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 426.

[193] М. А. Жофруа – Ш. Ф. Ж. Дюга, 1 сентября 1799 г. – SHD. Fond B^{6}. Carton 30.

[194] Шеф бригады Жак Кавалье 17 мая 1801 г. сдался в плен англичанам вместе со своим полком дромадеров.

[195] Джерма – большая парусная лодка в Египте.

> Таким образом, из этого второго доказательства следует, что в сентябре 1799 г. армия насчитывала 28 500 чел., включая увечных, ветеранов, пациентов госпиталей и т. д., и т. д.»[196].

В момент отправки Египетской экспедиции из портов Франции и Италии в мае 1798 г. ее личный состав насчитывал 54 тыс. чел., включая 38 тыс. чел. сухопутных войск, 13 тыс. моряков военно-морского флота и 3 тыс. моряков гражданских судов, задействованных для перевозки войск[197]. На 25 сентября 1799 г., то есть как раз накануне завершения Клебером письма Директории, в Восточной армии под ружьем, согласно штабной сводке о количестве личного состава, находилось 21 646 чел.[198] Разница в численности возникла не из-за одних только потерь. Во-первых, армия добралась до Египта уже не в полном составе, поскольку на Мальте был оставлен гарнизон в 3 тыс. чел.[199] Во-вторых, далеко не все выжившие при Абукирском разгроме члены экипажей военно-морской эскадры влились в сухопутные части и в речную флотилию: часть кораблей всё же сумела ускользнуть во Францию. Более мелкие суда в дальнейшем тоже время от времени уходили в метрополию с корреспонденцией, а их экипажи соответственно выбывали из состава экспедиции. Ну и наконец, поскольку в данной сводке учтены только те, кто находился под ружьем, в нее, очевидно, не вошли больные, раненые, выздоравливающие и «ветераны», то есть непоправимо покалеченные. Если же взять всех находившихся в тот момент в Египте французов, то мы, пожалуй, как раз и получим примерно половину от изначального состава экспедиции. Однако обратим внимание на то, что Клебер говорит не об экспедиции в целом, а только об армии. В таком случае цифры не сходятся: 21 тыс. – это явно не половина от прибывших в Египет 35 тыс. Следует ли отсюда, что Клебер, желая произвести необходимое впечатление на Директорию, всё-таки преувеличил убыль личного состава? Пожалуй, немного преувеличил, но ничуть не больше, чем это сделал его предшественник тремя месяцами ранее, когда 28 июня 1799 г. писал всё той же Директории:

> «Как следует из прилагаемой к этому посланию сводки личного состава французской армии, с момента прибытия в Египет по 10 мессидора VIII года [28 июня 1799 г.] мы потеряли 5344 чел. <…> в предстоящем сезоне наши силы сократятся до 15 тыс. Если из них вычесть 2 тыс. находящихся в госпиталях, 500 ветеранов, 500 рабочих, которые не сражаются, то у нас останется 12 тыс. человек, включая кавалерию, артиллерию, саперов, офицеров штаба, и мы не сможем оказать сопротивления десанту, поддержанному атакой через пустыню»[200].

Как видим, в прогнозе Бонапарта на ближайшую перспективу присутствует даже сакраментальное число 15 тыс., означавшее, по его позднейшей оценке, невозможное сокращение армии наполовину. Однако свое послание Директории Бонапарт писал в тот момент, когда еще не надумал покинуть Египет, а потому считал вполне нормальным несколько сгустить краски. Ровно то же самое в письме тому же адресату сделал через три месяца и Клебер.

> *Клебер:* «Однако теперь речь идет уже не о том, чтобы драться, как раньше, с дезорганизованными ордами мамлюков, а о том, чтобы сражаться и держаться против объединенных сил трех великих держав – Порты, англичан и русских.

---

[196] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 516–517.

[197] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 1. P. 524.

[198] État des forces de l'armée en presents sous les armes, le 3 vendemaire (sic!) an 8e (25 septembre 1799) – S.H.A.T. Fond B^{6}. Carton 187.

[199] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 1. P. 630.

[200] *Bonaparte N*. Correspondance générale. Paris, 2005. T. 2. P. 972.

> Нехватка оружия, пороха, чугуна и свинца создает столь же тревожную картину, как и недостаток людей, о котором я только что сказал. Попытки создать плавильню не увенчались успехом. Пороховая мануфактура, устроенная на ар-Рауда[201], не дает и, возможно, не даст того результата, каким можно было бы гордиться. И наконец, ремонт огнестрельного оружия производится медленно. Для того чтобы оживить все эти предприятия, требуются средства и фонды, которых у нас нет».
>
> *Бонапарт:* «В фондах, как и в людях, недостатка не было. Из сводок командиров частей за сентябрь 1799 г. следовало, что на складах у них имелось 7 000 ружей и 11 000 сабель, а согласно штатам артиллерии, там имелось 5000 [ружей] и еще 300 штук в виде запчастей, итого 12 000 ружей.
>
> Не было также недостатка и в артиллерийских орудиях. Согласно штатам артиллерии, имелось 1426 орудий, из них 180 полевых; 225 000 снарядов, 1 100 000 пороховых зарядов, 3 миллиона патронов для пехоты, 27 000 готовых выстрелов для орудий. Точность этих штатов подтверждается тем, что два года спустя англичанам досталось 1 375 орудий, 190 000 снарядов и 900 000 пороховых зарядов»[202].

Между тем повседневная переписка генералов Восточной армии отнюдь не свидетельствует о подобном изобилии вооружений. Когда Клебер в июле 1799 г. выступил со своей дивизией на соединение с Бонапартом для совместной атаки турецкого десанта у Абукира, он оставил в Дамьетте гарнизон в 400 человек, у которых имелось лишь 220 ружей[203]. 21 июля генерал Дюга писал из Каира Бонапарту:

> «В Гизе до конца декады наберется не больше 200 ружей в рабочем состоянии. Генерал Клебер при этом запросил 300, так как у него в дивизии их не хватает. Несколько расположенных здесь депо[204] тоже их требуют, чтобы пополнить свое вооружение. Мы подошли к такому моменту, когда на складах не останется больше ни одного ружья. На всю Гизу есть лишь 27 гусарских сабель, и никто не занимается их производством…»[205]

Да и сам Бонапарт в упомянутом письме Директории попросил прислать 20 тыс. ружей, 40 тыс. штыков, 5 тыс. сабель, 6 тыс. пар пистолетов, 10 тыс. саперных инструментов[206]. С аналогичным пожеланием Бонапарт 30 июня 1799 г. обратился к французскому коменданту островов Иль-де-Франс (Маврикий) и Реюньон, попросив отправить в Египет 3 тыс. ружей, 1,5 тыс. пар пистолетов и 1 тыс. сабель[207]. В свете подобных запросов утверждение Клебера о нехватке оружия и снаряжения выглядит более правдоподобным, нежели бодрые реляции Бонапарта, сделанные задним числом.

> *Клебер:* «Войска раздеты, и это отсутствие одежды тем более прискорбно, что, как признано, оно в этой стране является одной из главных причин дизентерии и офтальмии – постоянно доминирующих болезней».

---

[201] Ар-Рауда – остров на Ниле возле Каира.

[202] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 517–518.

[203] Ж. А. Вердье – Ш. Ф. Ж. Дюга, 21 июля 1799 г. – *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 386, note 1.

[204] Депо – учебные подразделения. В условиях Египетского похода, где приток новых рекрутов отсутствовал, использовались для восстановления военнослужащих, вернувшихся из госпиталей.

[205] Ш. Ф. Ж. Дюга – Н. Бонапарту, 21 июля 1799 г. – Ibid. P. 390.

[206] *Bonaparte N*. Correspondance générale. T. 2. P. 972.

[207] Ibid. P. 976.

> *Бонапарт:* «Недостатка в сукне, как и в снаряжении, не было, поскольку сводки по складам показывают, что драп в запасе имелся, обмундирование изготавливалось, и в октябре армия получила новую форму. К тому же как могло не хватать обмундирования в стране, которая одевала три миллиона человек в Африке и Азии и которая в таком большом количестве производила хлопчатобумажные ткани, парусину и сукно?»[208]

Оппоненты, как видим, по данному вопросу придерживаются прямо противоположных мнений, поэтому в качестве третейского судьи обратимся к лицу нейтральному, каким, бесспорно, можно считать генерала Дюга. До Египетского похода их пути с Клебером не пересекались, к числу друзей последнего Дюга не принадлежал, а, напротив, служил под началом его недоброжелателей, прежнего и нынешнего – Гоша и Бонапарта. Вместе с тем старый служака и человек чести, Дюга не лебезил перед начальством и всегда умел четко изложить ситуацию, не пытаясь ему потрафить. Неоднократно подменяя Бонапарта «на хозяйстве» в Каире, он прекрасно представлял себе положение армии в центре и на местах. 14 октября 1799 г. Дюга в письме Баррасу, Директору Республики, кратко, но выразительно описал текущее состояние Восточной армии:

> «Признаюсь, гражданин Директор, я не мог поверить, что Бонапарт покинул нас в том положении, в котором мы находимся: без денег, без пороха, без ядер, а часть солдат и без оружия. Александрия – это большой укрепленный лагерь, в котором нет и половины необходимых для его защиты орудий; [форт] Лесбе[209], возле Дамьетты, едва прикрыт оградой; часть стен Эль-Ариша того и гляди сама рухнет, а долги огромны. Более трети солдат армии вышли из строя в результате чумы, офтальмии и военных действий. Оставшиеся почти раздеты, выданная в прошлом году одежда из хлопка в лохмотьях, а враг лишь в восьми днях пути от нас»[210].

Говоря об одежде, ни Клебер, ни Бонапарт не упоминают о ситуации с обувью. Однако она, судя по письму все того же Дюга Бонапарту от 21 июля 1799 г., также оставляла желать лучшего: «Вы приказали, гражданин генерал, прислать вам 2 тыс. пар башмаков… Это больше того, что есть на складе, и я уверен, что, когда это увезут, там не останется ни пары»[211]. На описанное Бонапартом изобилие подобная ситуация мало похожа.

> *Клебер:* «Первая [из этих болезней – дизентерия] особенно сильно сказалась в этом году на частях, ослабленных усталостью. Офицеры медицинской службы отмечают и постоянно докладывают, что, хотя армия существенно уменьшилась, в этом году больных гораздо больше, чем было в прошлом в то самое же время.
>
> Генерал Бонапарт перед своим отъездом, надо признать, дал приказ одеть армию в сукно, но в данном отношении, как и во многих других, он далеко не продвинулся, а дефицит финансов – новое препятствие, которое надо преодолеть, – без сомнения, вынудил его отложить сие полезное начинание. Надо отдельно сказать об этом дефиците [финансов].
>
> Генерал Бонапарт исчерпал все экстраординарные средства в первые месяцы после нашего прибытия. Он собрал тогда столько военных

---

[208] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 519.

[209] Лесбе (*искаж. от араб.* ал-Эзбе – крайний) – форт в устье восточного рукава Нила. См.: Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Paris, 1830–1836. T. 6. P. 408–409.

[210] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 3. P. 7.

[211] Ibid. P. 390–391.

> контрибуций, сколько эта страна могла выдержать. Вернуться сегодня к этому средству, когда мы окружены врагами извне, значит подготовить вспышку восстания при первой же благоприятной оказии. Однако Бонапарт, уезжая, не оставил в кассе ни су и никакого иного эквивалента. Напротив, он оставил задолженностей по выплатам на 12 миллионов. При нынешних обстоятельствах это больше, чем наш годовой доход. Только задолженность по жалованью за год достигает четырех миллионов».
>
> *Бонапарт:* «Выплаты жалованья шли уже долгое время. Имелась задержка в выплате 150 000 франков, но она имела давнюю историю. Контрибуции должны были дать 16 миллионов, как показывают сводки мэтра Эстева от 1 сентября»[212].

Сводки главного кассира армии Мартена Рока Ксавье Эстева, на которые ссылается Бонапарт и которые подтверждали бы его слова, до нашего времени не дошли, поэтому мы не можем проверить, какие данные там представил один из трех наиболее высокопоставленных чиновников финансового ведомства Восточной армии. Зато мы знаем мнения двух других его коллег о ситуации с бюджетом к моменту отъезда Бонапарта. Генеральный администратор финансов Пусьельг сообщал 11 октября 1799 г. в Национальное казначейство (его донесение также было перехвачено и опубликовано англичанами):

> «Граждане комиссары, я дам вам [подробный] отчет, когда вернусь во Францию или когда установится безопасное и свободное сообщение [между Египтом и метрополией]. Этот же отчет будет кратким: больше подробностей вы найдете в отчете главного кассира. Ограничусь тем, что заверю вас: не может быть большего порядка в расчетах, большей безупречности и точности в платежах, большей скрупулезности в соблюдении правил, предписанных законами и вашими инструкциями, чем у нашего главного кассира.
>
> Несмотря на самую строгую экономию, армия в огромных долгах. Задолженность превышает 10 млн, а, поскольку наши ресурсы тают, дальше она будет только расти. Вам вскоре станут предъявлять обменные векселя, которыми нам приходится расплачиваться по разным статьям, когда невозможно выдать наличные. Я вас прошу, граждане комиссары, окажите честь, сохранив армии этот единственный кредит, который у нее остался, проявите справедливость по отношению к тем людям, кто жертвует здесь своим здоровьем и испытывает все лишения, какие только можно помыслить»[213].

Особо отмечу высокую оценку Пусьельгом профессиональных качеств главного кассира Эстева. Едва ли генеральный администратор финансов стал бы расточать ему такие комплименты, если бы тот представил в своем отчете картину, диаметрально противоположную той, что нарисовал сам Пусьельг. Данное обстоятельство заставляет с известной долей скептицизма отнестись к ссылке Бонапарта на несохранившийся отчет Эстева, якобы подтверждающий его, Бонапарта, точку зрения.

Что касается оценки ситуации третьим из главных финансовых чиновников армии – главным казначеем Жан-Пьером Дором, то лучше всего ее иллюстрирует приложенный им к письму Клебера обзор долгов армии на 23 августа 1799 г., то есть на день отъезда Бонапарта:

---

[212] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 519–520.

[213] Copies of original letters from the French army in Egypt. Part 3. P. 82–83.

Назначение платежа	Сумма долга в ливрах
Жалованье армии	4 015 000
Чрезвычайные расходы	576 000
Разница в жалованье по закону от 2 термидора II года и закону от 23 флореаля V года (должны части армии)	802 332
Артиллерия	91 214
Военный и гражданский флоты (приблизительно)	3 962 124
Провиант для военных	1 198 973
Обмундирование	144 381
Военные госпитали	311 277
Военный транспорт	177 098
Военная почта	5432
Владельцу седельной мастерской	12 601
Владельцу обувной мастерской	6000
Поставщикам из Суэца	7014
Различным частным лицам – французам, грекам и туркам[а] – за поставки в Александрии и других местах	41 980
Гражданину Розетти[б] за поставки армии во время ее перехода к Рахмании	3222
ИТОГО	11 315 252

[а] Французы нередко использовали собирательное понятие «турки» для обозначения всех жителей Египта мусульманского вероисповедания, за исключением кочевников-бедуинов

[б] Карло Розетти – венецианский купец, ранее консул Венеции и Австрии в Египте, тесно сотрудничал с командованием Восточной армии.

Данная таблица сопровождалась кратким комментарием Дора:

> «Расходы превысили доходы на 11 315 252 [ливров] с момента отправления из Франции. Долг этот может только расти. После прибытия в Египет повсюду проводились реквизиции, чтобы обеспечить армию продовольствием. По этой статье ничего не платили.
>
> Были наложены чрезвычайные контрибуции на купцов, негоциантов и т. д.
>
> По прибытии было захвачено движимое и недвижимое имущество мамлюков, их жены заплатили нам экстренные подати.
>
> Доход за VII год [сентябрь 1798 – сентябрь 1798] был больше, чем будет в VIII [сентябрь 1799 – сентябрь 1800]. В этом году разлив плох, и во многие деревни вода не пришла.
>
> Сюда не включены долги провинциям за товары, изъятые при прохождении войск.
>
> По этим же данным нетрудно заметить, что, чем дольше будут продолжаться военные действия, тем дольше не восстановится внешняя торговля, а потому не удастся и установить баланс между доходами и

расходами. До наступления мира финансы не придут в удовлетворительное состояние»[214].

Как видим, мнения главных финансистов Восточной армии о состоянии ее доходов и расходов полностью подтверждали точку зрения Клебера и опровергали излишне оптимистичные оценки его предшественника.

Клебер: «Разлив [Нила] сделал в настоящий момент невозможным взимание недоимок за только что закончившийся год[215], которых едва хватило бы для покрытия расходов одного месяца. Взимание их можно будет возобновить не раньше фримера[216], а потому собрать их, без сомнения, не получится, поскольку тогда уже придется сражаться.

И наконец, разлив Нила в этом году плох; до некоторых провинций он вообще не дошел, что обещает их бездоходность, из-за чего на них не стоит и рассчитывать. Всё, что я здесь утверждаю, граждане Директора, я могу подтвердить и протоколами, и заверенными сводками из разных провинций.

Хотя Египет внешне спокоен, он отнюдь не покорился. Народ возбужден и в нас видит исключительно врагов своей собственности. Его сердце постоянно расположено к благоприятным переменам».

Бонапарт: «Поведение народа во время войны в Сирии не оставило сомнений в его благоприятном расположении, но не стоило ему доставлять никакого беспокойства в делах религии, и надо было действовать заодно с улемами»[217].

Данное утверждение Бонапарта даже трудно комментировать. Либо годы изгладили в памяти бывшего императора часть событий недавнего прошлого, либо он считал потенциальных читателей своего комментария абсолютно не сведущими в истории Египетского похода, либо просто его досада на Клебера была столь велика, что заставляла пренебречь очевидным. Как бы то ни было, слова Наполеона полностью противоречат всему тому, что мы знаем от современников о происходившем в Египте в феврале—июне 1799 г., пока шла Сирийская кампания.

Уход большей части сил Восточной армии в Сирию существенно ограничил возможности оставшихся в Египте войск контролировать ситуацию. Это вызвало активизацию антифранцузского сопротивления. В Верхнем Египте дивизия Дезе вела тяжелые бои с объединенными силами мамлюков Мурад-бея, местных крестьян и прибывших из Хеджаза добровольцев. 3 марта 1799 г. французская флотилия на Ниле, отстав от сухопутных войск, подверглась неожиданной атаке с берега и понесла тяжелые потери в личном составе. Флагманский корабль «Италия» был сожжен неприятелем.

Во второй половине марта 1799 г. в Восточной Дельте поднял бунт эмир-хаджи, бывший османский военачальник, которому Бонапарт поручил охранять направлявшихся в Мекку паломников. Генерал Дюга, правда, быстро среагировал и успел подавить мятеж еще до того, как его поддержало местное население.

В апреле 1799 г. в Западной Дельте началось восстание под руководством некого марокканца, объявившего себя Махди, пророком Судного дня. В ночь с 24 на 25 апреля он с отрядом крестьян атаковал и полностью уничтожил французский гарнизон в городе Даманхур. В ответ посланная из Александрии мобильная колонна генерала Ланюса совершила 9 мая акцию

[214] Copies of original letters from the French army in Egypt. Part 3. P. 57–59.

[215] Французский революционный календарь начинался с 22 сентября.

[216] Месяц революционного календаря фример начинался 21 ноября.

[217] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 521–522.

возмездия, разрушив Даманхур и перебив его население. Решающее поражение повстанцам Ланюс нанес 4 июня, накануне возвращения Бонапарта из Сирии[218].

Всё это мало походило на «благорасположение» египтян к французам, о котором писал Бонапарт.

> *Клебер:* «Мамлюки рассеяны, но не уничтожены. Мурад-бей по-прежнему находится в Верхнем Египте, имея достаточно людей, чтобы оттягивать на себя часть наших сил. Если бы его оставили в покое хоть на мгновение, его войска быстро выросли бы и он, без сомнения, стал бы нас тревожить вплоть до этой столицы, которая, несмотря на строжайший контроль, до сих пор продолжает снабжать его деньгами и оружием».
>
> *Бонапарт:* «Мурад бей укрылся в Оазисе [Эль-Файюм], не имея ни одного опорного пункта в долине [Нила], ни складов, ни барок, ни одной пушки, сопровождаемый лишь своими наиболее преданными рабами»[219].

Реплика Бонапарта, очевидно, имела целью показать, что Мурадбей в тот момент уже не представлял опасности для Восточной армии. В определенной степени он был прав: после ряда чувствительных поражений от французов Мурад-бей действительно отказался от наступательных действий и вот уже полгода спасался от мобильных колон генерала Дезе. Однако сила предводителя мамлюков была не в наличии у него складов, барок или пушек, а в его авторитете среди местного населения, позволявшем ему, как только предоставлялась возможность, быстро наращивать свои силы за счет бедуинов и крестьян-феллахов. Стоило Мурад-бею хотя бы ненадолго ускользнуть от преследования, как к нему начинали тянуться все желающие сразиться с оккупантами. Именно поэтому гнавшиеся за ним генералы старались не давать ему ни малейшей передышки. Как раз в те сентябрьские дни Дезе сообщал генералу Огюстену Даниэлю Бельяру: «Мурад соединился с арабами Джеммы, благодаря чему у него теперь 300 чел. Он находится недалеко от Миньи. Буайе[220] его атакует, а я через несколько дней начну его энергично преследовать»[221]. 28 сентября Клебер писал генерал-адъютанту Буайе: «Я получил несколько ваших писем и очень доволен их содержанием: постарайтесь поймать этого Мурадбея, чтобы мы могли мирно пользоваться Верхним Египтом»[222]. Пока продолжалась эта бесконечная погоня, Мурад-бей действительно стратегической угрозы для Восточной армии не представлял, но только при таком условии.

> *Клебер:* «Ибрагим-бей в Газе примерно с 2000 мамлюков. Мне сообщили, что туда уже прибыли и примерно 30 000 чел. из армии великого визиря и Джаззар-паши».
>
> *Бонапарт:* «Ибрагим-бей находился в Газе с 450 мамлюками. Как у него могло их быть 2000, если он никогда не имел их больше 950, а ведь в боях в Сирии они еще и понесли потери?
>
> В сентябре из армии визиря в Сирии не было ни единого человека. Напротив, Джаззар-паша вывел свои войска из Газы, чтобы сосредоточить их в Акре. В Газе находились только 450 мамлюков Ибрагим-бея»[223].

---

[218] Подробнее см.: *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. Livre IX; *Laurens H*. L'expédition d'Égypte 1798–1801. P. 283–298.

[219] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 523.

[220] Пьер Франсуа Жозеф Буайе – генерал-адъютант в дивизии Дезе.

[221] Л. Ш. А. Дезе – О. Д. Бельяру, 8 сентября 1799 г. – Ibid. T. 3. P. 35.

[222] Ibid. T. 3. P. 109.

[223] Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 523–524.

Казалось бы, какая разница: несколькими сотнями бойцов больше или меньше, когда речь идет об армиях, насчитывавших десятки тысяч человек? Однако Бонапарту, стремившемуся дезавуировать утверждения Клебера, важно было продемонстрировать, что тот даже в мелочах ошибался либо сознательно вводил Директорию в заблуждение. Ну и конечно, в ход был пущен характерный для Бонапарта безапелляционный тон хорошо осведомленного человека, что должно было добавить убедительности его словам. Правда, цифры, содержавшиеся в документах того времени, заставляют усомниться в том, что он действительно был так хорошо осведомлен, как пытался показать.

Вот что, к примеру, сообщает об отряде Ибрагим-бея генерал Дюга в донесении Бонапарту от 26 июля 1799 г.: «Сегодня из Сирии поступили известия, что Ибрагим-бей находится в Газе с 1500 или 1800 кавалеристами и 3 тыс. арнаутов[224], пытаясь раздобыть у разных арабских племен верблюдов для перехода через пустыню»[225]. 12 августа Клебер из Дамьетты писал генералу Рейнье:

> «В этих краях ничего нового. Последние новости из Сирии гласят, что Ибрагим-бей находится в Газе во главе 2 тыс. мамлюков или арабов. Только что туда прибыла 1 тыс. магрибинцев, отправленных Джаззаром. Мухаммад-бей ал-Алфи занимает Хан-Юнис с 1 тыс. мамлюков и арабов. К нему примкнул Осман-бей аш-Шаркави[226]

[224] Арнауты – субэтническая группа албанцев, переселившихся в XIVXVII вв. в пределы Греции. В османской армии этот термин нередко использовался как собирательный для обозначения нетурецких войск, набранных на Балканах.

[225] *La Jonquière C., de*. L'expédition d'Égypte. T. 5. P. 393.

[226] Осман-бей аш-Шаркави – один из лидеров мамлюков, бывший губернатор провинции Шаркия. Подробнее о нем см.: *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 434.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.